

Дмитрий Иващенко

О ХРЮНВАЛЬДЕ И НЕ ТОЛЬКО

Сказка для детей среднего, взрослого
и пожилого возраста

Дмитрий Иващенко

**О Хрюнвальде и не только.
Сказка для детей среднего,
взрослого и пожилого возраста**

«Издательские решения»

Иващенко Д.

О Хрюнвальде и не только. Сказка для детей среднего, взрослого и пожилого возраста / Д. Иващенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838199-7

Приключения — это плохо, когда они с тобой приключаются. С другими-то ещё ничего. Им наверно и не на работу завтра. Может им, другим, нравится общаться с пиратами, некромантами и чокнутыми магами. Кто их знает, этих других. Хрюнвальду, вот, совсем не понравилось. Жаль, что выбора уже не было.

ISBN 978-5-44-838199-7

© Иващенко Д.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1 «Глава первая, потому что с неё все началось»	7
Глава 2 «В которой Хрюн узнаёт много нового»	9
Глава 3 «В которой Хрюн попадает туда, куда не собирался»	11
Глава 4 «О башне и хозяйне её, Бодесе»	14
Глава 5 «Глава о вопросах и немного об ответах»	17
Глава 6 «О крушении надежд и новой жизни»	20
Глава 7 «В которой Хрюнвальд знакомится с Мартеллами. Пока заочно»	24
Глава 8 «О пользе чтения перед сном»	27
Глава 9 «Пецилия»	30
Глава 10 «Новый день – новые открытия!»	33
Глава 11 «Бальзамир»	36
Глава 12 «Явление Уважаемого Ахмеда народу»	39
Глава 13 «О теологии и восточном гостеприимстве»	44
Глава 14 «Отъезд»	49
Глава 15 «В которой Хрюн проникает в город, а город проникает в него»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

О Хрюнвальде и не только Сказка для детей среднего, взрослого и пожилого возраста

Дмитрий Иващенко

Иллюстратор Дмитрий Анатольевич Иващенко

© Дмитрий Иващенко, 2017

© Дмитрий Анатольевич Иващенко, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8199-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Для начала автору необходимо признаться, что он очень любит сказки.

Но поскольку сказок для взрослых дяденек никто писать не хочет, то пришлось автору самому взяться за перо и написать себе книжку. Чтобы было, что почитать долгими зимними вечерами.

Глава 1 «Глава первая, потому что с неё все началось»

Возможно, это был бы обычный день Хрюна, да собственно это и был обычный день, пока он не пришёл домой.

Работа у Хрюна была тяжёлая, пыльная и нервная. Трудился он шестым помощником Великого архивариуса. Тяжёлая, потому что целыми днями ему приходилось таскать деревянные лестницы и стопки книг по библиотеке. Пыльная, если вы хоть раз бывали в старых библиотеках или архивах – вы поймёте. А нервная, потому, что Главный помощник Великого архивариуса вечно был всем недоволен. Был он высок, сух как палка, лысину его обтягивала жёлтая, в пигментных пятнах, кожа.

Главный помощник страдал несварением и имел крайне скверный характер. Сослуживцы до сих пор спорили, решая, что было первично, а что стало следствием. Но, так или иначе, а подчинённых он третировал ежедневно, и вполне естественно, что больше всего доставалось Хрюну, как самому младшему сотруднику.

Здесь необходимо отметить, что город Малоран, в котором выпало родиться Хрюну, исповедовал радикальную ветвь бюрократизма. Даже для покупки банального комода или кухонного ножа необходимо было собрать с десяток справок. О том, что комод не будет использован для хранения противозаконных вещей и для покушения на самодержца или о том, что кухонный нож не будет использован для вырезания матрёшек. (Прим. Это требование продавца Гильдия производителей матрёшек.) Если же отец какой-нибудь девочки размякал и поддавался на уговоры дочки купить щенка, то несчастные родители должны были собрать около сорока справок.

Ну, или смазать бюрократическую машину взяткой. А для того, чтобы горожане от взяток не отлынивали, получение справок и разрешений было максимально усложнено. Получение талончика на получение справки в Главном Архиве происходило с 7—00 до 7—30 по нечётным дням. Поэтому половина сил архивистов уходила на недопущение просителей, сбегание от хватающих тебя за рукав плачущих старушек, и питьё чая. А вторая на лазанье собственно в архиве, и выискивание среди десятков тонн бумаги одной, нужной бумажки.

Вследствие чего наш шестой помощник к вечеру был выжат как половая тряпка, и, приходя домой первым делом наливал себе имбирного пива, садился в кресло и начинал мечтать о вселенской справедливости, умных руководителях и свободе от циркуляров.

За этим занятием его и застал Барбер. Потому что именно в этот момент из шкафа, из Хрюнова шкафа, он вышел.

Вообразите себя на месте Хрюна. Вы сидите в кресле, с кружкой имбирного пива в руке и мечтательной улыбкой на лице, вы только что придумали, как улучшить мир в целом и свою жизнь в частности. И вдруг из вашего шкафа с треском вываливается здоровенный детина с окладистой рыжей бородой и заявляет:

– Ты кто?

– Позвольте,....

– Не позволю! Кто таков? Что тут делаешь?

Удивление не помешало Хрюну понять, что таким образом разговор зайдёт в тупик. Нельзя общаться вопросами, кому-то нужно и отвечать. Быстро прикинув, что как более воспитанному человеку, это нужно сделать ему (а в том, что он был более воспитан, сомнений не оставалось), он выпалил:

– Я – Хрюнвальд Мартелл! Это мой дом! И тот шкаф, из которого Вы вышли – тоже мой! Потрудитесь объяснить, как Вы туда попали? Вы – вор?

– Какого чёрта? – Оглядевшись по сторонам, прищелец заметил кувшин с пивом, сгрёб его и влил в себя сразу половину. – Уфффф! Я – Барбер! Ик.. Расслабься. Ик.....

Расслабиться у Хрюна не вышло. Особенно, когда назвавшийся Барбером начал оглядывать комнату опытным взглядом скупщика, мгновенно навешивающего ценник каждому предмету.

– Это не объясняет, кто Вы и как сюда попали! – голос Хрюнвальда предательски дал петуха: – Я позову стражника!

– Садись, не пыли, грозный хозяин шкафа. . . . – улыбнулся бородач: – Сказано ж тебе, Барбер я. А как попал., медальон меня сюда зашвырнул. Засранец один, Бальзамир, за головой моей явился, а я головой дорожу, привязался к ней за эти годы, вот и приказал медальону переместить меня в безопасное место. Он видать решил, что тут мне будет безопасно по самое некуда.

– М-м-магия? – Хрюнвальд умел держать лицо, но такие новости с кого угодно собьют маску невозмутимости.

– Ну да. – Нахмурился вдруг Барбер, заметив испуг и недоверие на лице хозяина: – А у вас что тут, магии нету?

Хрюн замотал головой.

– Куда ж он меня закинул, сволочь? – здоровяк начал ожесточённо чесать бороду пятернёй, очевидно, это помогало ему запускать мыслительный процесс. – Как твой мир называется?

– Зея. А город – Малоран. А Ваш как?

– Давай на ты, не привык я к Выканию. Как тебя говоришь, Хрюнвальд? Давай я тебя буду Хрюном кликать, а ты меня Барбером. Попросту. Без кружевных платочков. – Он помолчал. – Мой называется Дхара. Город значения не имеет. Не люблю на одном месте сидеть.

Хрюн открыл рот и промолчал. Потом еще раз открыл. И закрыл. Вероятно если бы мы могли присмотреться к голове Хрюна повнимательнее, то заметили бы, как там происходит броуновское движение мыслей. Весьма необычно для данной головы, кстати. Головы, работающей в Архиве. В которой всё по полочкам. Пронумерованным.

– Кудряво живёшь, Хрюн! – Прервал его мыслительный процесс Барбер, разглядывая медный кувшин, который держал в руке. – А еще пиво есть?

Хрюнвальд осмотрел свою более чем скромную обстановку, пытаясь понять, что именно тут говорит о «кудрявости» его жизни. Но потом решил, что возможно незваный гость имел в виду не роскошь, а нечто другое. Да кто его знает, что он имел в виду, этот странный человек.

Через пару минут, когда пиво было принесено, мысли в голове хозяина выстроились примерно как семь перпендикулярных красных линий, из которых две зеленые, а две прозрачные.

– Ладно, – Зевнул Барбер: – не скрипи ушами, спрашивай – отвечу. Полчаса у меня есть. Камень раньше не зарядится. Да ты садись, будь как дома, – и улыбнулся.

Удивительный человек. – Подумал Хрюн. – Очутился в незнакомом мире, но при этом выглядит так, будто ему совершенно наплевать на это. Везде ведёт себя по-хозяйски.

Поскольку, пока Хрюнвальд ходил за пивом, гость уселся в его кресло и сложил ноги на его стол, пришлось принести с кухни табуретку, низенькую такую, отец Хрюну выстругал, когда тому и трёх лет не было. Но гостей в этом доме не водилось, а у хозяина всего одна задница и кресла вполне хватало. Усевшись на это недоразумение, Хрюн, откашлявшись, попросил:

– Расскажите откуда Вы. . . . ты. . . . Извините. . . Извини.

А Барбер откровенно развеселился и хлопнул себя ладонями по коленкам.

– А чего не рассказать? Если и совру – не проверишь. Да не бледней тут, пошутил я. Что хочешь знать?

– Про Ваш. . . твой мир. И зачем ты в мой шкаф оттуда сбежал.

Глава 2 «В которой Хрюн узнаёт много нового»

– Мир как мир. Ну волшебники там всякие немного малину портят конечно, но жить можно. А шкаф..... Вещь я одну у Бальзамира хммм взял. Да. А он личный волшебник у нашего лорда-узурпатора. Да я бы и рад ему её вернуть уже, но я её в тот же вечер в кости проиграл. И еще пару вещей.

Надо заметить, что профессию Барбера, или, если угодно – его жизненное кредо, другие его коллеги по цеху любят высокопарно именовать «Человек риска», «Джентльмен удачи» или «Авантюрист». Сам он склонялся к названию «Искатель приключений на задницу». Потому что джентльмен из него никудышный, да и с удачей сплошные недопонимания. Авантюры – да, риск – безусловно, а с удачей выходило не очень гладко.

Иногда ему даже удавалось разбогатеть на пару дней, задуматься о собственной пивоварне, весёлой жёнущке, сплошь покрытой аппетитными грудями, и оседлом образе жизни, но игра в кости, тараканьи бега и привычка жить сегодняшним днём неизменно приводили его жизнь к первоначальному виду. То есть, к пустому карману и азартному блеску в глазах.

– Сам понимаешь, волка ноги кормят. Свиные. – Улыбнулся Барбер. – Этот медальон-портал я у Штайна – Чистоплюя купил. Задорого между прочим. Но не жалею. Уже раз десять он мне жизнь спас. Ему только место нужно точно сказать. А в этот раз никак на ум место не приходило, где бы меня не хотели укоротить на голову или долги стясти, – тут он замолчал на секунду: – Как ты сказал тебя зовут, Хрюндель чего-то там?

– Хрюнвальд Мартелл.

– Ишь ты, какое совпадение, «Мартелл». А ты часом у нас в Дхар-Дастане не был?

– А сам как думаешь? – Хрюнвальд посмотрел на Барбера, решая, псих он или нет. И если псих, то опасный ли?

– И не бывай. Если жить хочешь. Нашему лорду-узурпатору страсть как не нравится хамилия Мартелл. Сто медных монет за каждого пойманного Мартелла платит.

– Откуда такая странная избирательность у вашего лорда?

– Подозреваю оттуда, что прошлые наши короли Мартеллами были. Лордишка-то наш тьфу, из обнищавших Невиллов, у них даже собственной тюрьмы не было. Ежели какой из холопов провинится, то его или к соседнему лорду в тюрьму отвозили, но тогда за его содержание платить надо, или в бочку сажали, в погребе. Хорошо если в винную, там надышишься и спать, пьяненький, а бывает, что из-под капусты квашеной. От такой вони потом нюх совсем пропадает.

Мне Рубик Камнехлест рассказывал, ему выпало в такой бочке посидеть за пьяный дебош. Свезло, что он гном и мог в бочке даже ноги вытянуть. Но капусту теперь даже видеть не может, – Барбер захохотал.

– Ну и решил наш лордик себе состояние поправить, женился на какой-то страшенькой двоюродной сестре короля, и быстренько троих Мартеллов поблизости, включая короля, напоил самым вкусным ядом, что был в продаже. Родня всё-таки. На родных не экономят. Даже жену свою отравил, чтоб подозрений не было. Её-то не насмерть, ясное дело. Пока жену его выхаживали лекари, на трон влез. Потому и узурпатор. А чтобы никто из Мартеллов права не заявил, выставил их заговорщиками и повесил на них убийство короля... Дескать, хотели трон отжать, и если бы не он, Сибариус Невилл, то погрузился бы Дастан в хаос, да и вышел

весь. Велел страже всех Мартеллов отлавливать и пред его светлые очи доставлять. Потом топор.

– А если однофамилец окажется просто?

– Как это? На Дхаре хамилия только знатным полагается. А знатные все друг другу родственники, это всем известно. Простолюдинам без надобности. Нам наследство не делить. Я вот – просто Барбер, отец мой – Корбан Рыжий. И хватает. Мы гинекологических деревьев не заводим. Пустое, – Он допил остатки пива. – Ну ладно, пора и честь знать. Камень вон засветился уже, пора значит.

Барбер с несказанным сожалением поставил кувшин на край стола. Встал. От чего кресло благодарно скрипнуло, ибо держать такой вес в его возрасте уже утомительно, а воткнуть пружину в зад седоку воспитание не позволяет.

Странный гость прислонил медальон к губам и что-то прошептал. Вокруг Барбера стал сгущаться воздух, образуя плотное белое облако. Хрюн смотрел не отрываясь, словно замороженный. Когда кокон стал совсем непроглядным, из него вдруг высунулась рука, схватила медный кувшин с края стола и начала втягиваться внутрь.

Хрюнвальд, чьё подсознание в это момент сработало быстрее мысли, прыгнул вперед и вцепился в исчезающий кувшин двумя руками.

Глава 3 «В которой Хрюн попадает туда, куда не собирался»

Один из воронов господина Бодеса, прозванного в народе «Всевидающим», сидел на старом дубе, прикрыв веки и предаваясь воспоминаниям об одной пикантной ситуации с молодой самочкой, когда в десяти метрах от него раздался глухой стук и на земле явственно проступили силуэты двух лежащих людей, держащихся за руки. Он недовольно воззрился на них. Оказалось, что держались они не за руки, а за ручки медного кувшина.

Непонятная ситуация с непредсказуемым продолжением. Ворон поскрёб когтем голову и решил, что лучше доложить хозяину. Сфокусировался и начал транслировать господину картинку.

А посмотреть было на что. Бородатый здоровяк резко сел и повернулся к тому предмету, что сжимал в руке.

– Ах, ты ж сволочь! – он притянул к себе кувшин, чем привел в сидячее положение молодого человека рядом. Тот захлопал глазами. – Что ты вытворяешь?

– Ты пытался украсть мой кувшин! – молодой человек был сердит.

– Работа у меня такая! Ох, ёёё..... – бородач вдруг взвыл, посмотрев на свой медальон. Камень в медальоне был чёрным и растрескавшимся.

– Сломался, ааааа..... – вдруг взгляд его сделался злым и обиженным, как у маленькой девочки, куклу которой только что обезглавил брат. – Это ты виноват! Камень не смог двойной вес перенести. 500 монет. А ты....., – слов у рыжего явно не хватало, зато ярость прибывала с каждой секундой: – Я тебе кишки выпущу!!!

Бородатый вскочил и поднял руки, растопыривая толстые сардельки, которые он, вероятно ошибочно, называл пальцами.

Драки – пожалуй, самое любимое народное зрелище после пожара. Ворон, получивший билет в первом ряду, переступил с лапы на лапу в предвкушении.

Молодой человек резко поднялся. И когда бородатый кинулся на него, вдруг вскинул руку и ткнул нападающего в солнечное сплетение. Видимо контрдовод был убедительным, поскольку бородатый решил отложить свои планы, рухнул на колени и захрипел.

– Ты пытался украсть мой кувшин! – спокойно повторил молодой человек. – Ты сидел у меня в гостях, пил моё пиво и ограбил на прощание?

Ярость в глазах бородатого, притухшая уже, теперь стала окончательно вытесняться виной, изумлением и неловкостью. Он с трудом поднялся и просипел: – Ну... это... да. Но... – и ступеался. Видно было, что извиняться он не привык, хотя ситуация явно требовала каких-то слов.

Молодой нагнулся, поднял кувшин, и, отряхивая его от песка сказал: – Это – одна из трёх вещей, оставшихся мне от отца. Я им очень дорожу. Но тебе-то он зачем? Он же ничего не стоит.

Бородач, избегая смотреть ему в глаза, ответил: – Не знаю как у вас, а у нас медь – в большой цене!

– И какой курс?

– Одна медная крона к сотне золотых гульденов.

– Что за странный мир у вас?

– Ничего странного. Волшебник один, Фергюс, да будет проклято его имя, лет триста назад всю медь в мире в золото превратил. Благодетель хренов. Почти ни один король в мире на троне не усидел и года после этого. Все города кровью залиты были. Пятьсот монет, – он замолчал. – Ты мне должен, Хрюндель Мартелл.

Ворон наклонил голову, прислушиваясь к чему-то внутри себя. После этого спланировал за спину спорящей парочке и, приземлившись, начал изучать стоящий на земле кувшин. А посмотреть было на что.

Кувшин, в полтора локтя высотой, имел форму, какие присущи молодым деревенским девушкам. Плавные обводы пухлых бёдер сходились к осиной талии и снова уширялись в районе бюста. Ручек у него было четыре, и это действительно были ручки. Женские. Упирающиеся в бёдра. Между каждой парой ручек находилась пара превосходно выполненных грудей. Общим числом восемь. Заканчивался кувшин узким горлышком, чуть шире бутылочного. И узость горлышка делала удивительным рисунки, которыми был покрыт весь кувшин. Это была чеканка. Чеканка изнутри. Какими инструментами пользовался мастер, чтобы «через замочную скважину оклеить дом обоями» – загадка. Один рисунок повторялся дважды. Это было животное, похожее на полосатого быка с четырьмя сильно загнутыми рогами, стоящее в четверть оборота. Только ноги его украшали не копыта, а мощные когти. Под ним шла какая-то надпись на ленте.

Ворон снова склонил голову, замер на пару секунд, после чего распрямился и откашлялся!

– Кхе-кхе.

Спорщики мгновенно обернулись и воззрились на него.

Ворон открыл рот и отменным баритоном произнёс:

– Господа. Меня зовут Клод Бодес. Предлагаю вам своё гостеприимство. Мой замок стоит недалеко. Ворон сопровождает вас.

Хрюнвальд, впервые увидев говорящую птицу, оторопел. Нет, конечно он видел попугайчиков, которые повторяют сказанное за тобой, но тут ситуация явно была иной. Он воззрился на Барбера. Который, впрочем, был совсем не удивлён, и сейчас видимо прикидывал, может ли господин Бодес быть знаком с Бальзамиром, десятком кредиторов и сотней иных людей и существ, желающих укоротить барберову жизнь, чуть менее, чем полностью. Помедлив, Барбер кивнул.

Ворон указал им клювом направление и взлетел.

– Не хочешь рассказать мне, кто этот Клод Бодес и куда мы идём? – спросил Хрюн, подняв кувшин и догоняя Барбера, который уже удалялся размашистым шагом. Видимо Барбер всё в жизни делал с размахом.

– Бодес-то? Маг. Очень сильный. И старый. Но плохого за него не скажу. Он исследователь. Люди их обычно стороной обходят.

Они подошли к опушке леса. Ворон ждал на ветке. Указав тропинку, снова взлетел.

– Почему обходят?

– Они новые волшебства изобретают. Заклинания там и прочее. Никогда ведь не знаешь, как сработает, пока не попробуешь. Очень опасная профессия. Многие до сотни лет не доживают. С ними рядом жить – как на вулкане. Никогда не знаешь, когда бахнет. Вот и сторонятся их люди.

Хрюн в задумчивости пнул мухомор, некстати выросший на лесной тропке.

– И ты это, не пинай тут ничего, не подумав. Я тебе не нянька, могу не доглядеть, – пробасил Барбер с сомнением в голосе. Видимо сам пока не мог понять, обязан ли он теперь нянчиться с этим молодым человеком. – Делай, как я делаю, и будет тебе счастье.

– Воровать не стану!

– Хватит припоминать! – рявкнул Барбер.

– Ладно – примирительно сказал Хрюн: – Но больше так не делай.

Барбер сердито посопел, но всегдашняя жизнерадостность взяла верх и он продолжил: – Бодес Всевидящий уже при Уго Первом Мартелле был великим магом. У него конечно не самая высокая башня, но не всё в мире длиной меряется. Его наши прошлые короли очень ценили.

– А почему мухоморы пинать нельзя?

– Потому что без ноги остаться можешь. Совсем может и не отхватят, а сапог прокусят точно.

– Грибы? – с сомнением посмотрел Хрюн на Барбера.

– Не грибы, а сволочи, под них маскирующиеся. Тоже маговы проделки. Эксперимент, мать его. По спасению сусликов. «Мирмикрия» или как-то так. А эти сволочи вверх по пищевой цепочке полезли. Говорю ж, от этих магов проблем больше, чем пользы. Придумают себе чего-нибудь, а мы потом разгребаем всем миром.

Лесок поредел и в просвете показался высокий серый шпиль гранитной башни. До неё оставалось полмили. Хрюнвальду было тревожно и он снова попытался отвлечься разговором от жутких мыслей, беспрерывно лезущих в голову.

– А почему тебя Барбером назвали? Из-за бороды?

Барбер расхохотался так, что аж слёзы выступили, но потом взял себя в руки, постарался скуксить серьёзное лицо и ответил: – А ты думаешь, я сразу с бородой родился? Ха – хм. Ммм... Фух. Ладно, скажу уж, пока ты новых версий себе не придумал. Папаша мой головой ватаги лесорубов был. Заказ получил хороший, в соседнем городе. Лес расчистить, да десяток срубов поставить. Под сторожевой лагерь с вышкой. А матушка моя на сносях тогда была. Ну, он и велел ей, когда девчушка родится, Барбарой назвать. Дочку очень хотел. Сын-то, Лукас, был уже. Матушка мальчиком опросталась и задумалась. Поперёк отцова слова идти побоялась, вот и придумала назвать Барбером.

– А отец что? – Хрюнвальду эта ситуация показалась забавной. Удивительные вещи случаются в мире. Захочешь – не выдумаешь.

– Отец-то? Он домой вернулся только к первому снегу, когда работу справил и расчёт получил. Мне уж три месяца к тому времени было. Посмеялся батя, да велел матушке в спальню идти, новую дочку мастерить.

– И как, смастерили? – Хрюн повеселел.

– А как же. Отец никогда на полдороге не останавливался. – Ухмыльнулся Барбер.

Тут наши попутчики умолкли, увидев, что уж подошли к серой башне.

Ворон, как ни странно, последние полсотни шагов прошёл пешком. Подойдя к высоким, в три человеческих роста, воротам, ворон клюнул какой-то камень и ворота родили обычную дверь, хитро замаскированную резьбой. Птица повела головой в приглашающем жесте и пропала в полумраке внутреннего двора.

Хрюн с сомнением глянул на Барбера, но тот свою нерешительность видимо давно проиграл в кости, продолжая вышагивать на манер игрушечного заводного солдата. Хрюну оставалось только держаться в кильватере. И они вошли.

Глава 4 «О башне и хозяине её, Бодесе»

Хрюнвальд любил книги.

За время учёбы он перечитал наверно половину университетской библиотеки. Книги рассказывали о местах, где он не был, и навряд ли окажется, о людях, давно живших и современниках, об устройстве механизмов и устройстве мира. Хрюнвальд любил книги.

Но увиденное сейчас его поразило. Книжные полки покрывали все стены зала, в который они попали. И это не была большая комната с книгами. Это был Зал. Навскидку около трёхсот квадратных метров, высотой около тридцати. И книжные полки уносились ввысь аж до сводов потолка. Как хозяин добирался до верхних полок, оставалось загадкой. Вероятно, чтобы прочитать такое количество книг, потребовалось бы лет пятьсот. Хотя, если верить сердито сопящему рядом Барберу, подростковые прыщи хозяин библиотеки пережил ещё при царе Горохе. Может и прочитал.

В дальней части зала был подиум, на котором полукругом стояли три стола. В задней части подиума высился шкаф, который Хрюн узнал сразу. Шкаф – картотека. Основа учёта – как говорили его учителя в университете.

В этой эйфории от обилия знакомых вещей в незнакомом мире Хрюн даже не сразу заметил человека в красном бархатном сюртуке, стоявшего возле одного из столов. Человек, между тем, отложил документ, который держал в руках, и стал спускаться к вошедшим. Шаги его гулко отзывались где-то под сводами. Но эхо было многократно меньше ожидаемого. Видимо книги по стенам несли не одну только образовательную функцию.

Комплекцией человек был в аккурат между стройным Хрюнвальдом и массивным Барбером. Растительность на лице человека также находилась в промежутке между гладко выбритым подбородком Хрюна и косматым – Барбера – это была короткая бородка – эспаньолка. Глаза у человека были серыми, пронзительными. Походка – расслабленной, но уверенной, кольца на пальцах – дорогими. В идеально зачёсанных волосах и бороде серебрилась лёгкая седина. На вид хозяину можно было дать лет шестьдесят. Пока это было всё, что Хрюнвальд мог сказать о нём.

– Позвольте представиться еще раз. Клод Бодес. Маг – исследователь. С кем имею честь? Баритон хозяина был обволакивающим и приятным.

Хрюну показалось, что обращался хозяин преимущественно к Барберу. Как будто личность Хрюна ему была известна.

– Я – Барбер. И у меня сразу два вопроса.

– Извольте.

– За каким лядом мы Вам сдались? – На этой фразе здоровяк ткнул свои руки в боки и стал напоминать жабу, которая пытается казаться больше самой себя, чтобы напугать посягающего на её, жабье, тело.

– А второй вопрос?

– Вы можете починить эту штуку? – Барбер достал из-за пазухи почерневший медальон и показал Бодесу.

Господин Бодес внимательно осмотрел подвеску. – Универсальный портал?! Сожалею, но вынужден Вас расстроить. Я не смогу его починить.

Барбер застонал.

– Теперь о Вашем первом вопросе. «За каким лядом.....»

Бодес резко обернулся к Хрюну.

– Вы не представились, молодой человек!

Во рту сразу пересохло. Хрюн сунул кувшин под мышку и кашлянул. – Кхмм. Хрюнвальд. Мартелл. Я.

И незамедлительно получил пинок по ноге от Барбера.

– Хрюнвальд. Ну конечно. В честь прадедушки. А маму Вашу как зовут? – Судя по виду Бодеса, а выглядел он как кот, нашедший горшок сметаны, он совсем не собирался хватать этого встреченного Мартелла и тащить на плаху к местному королю.

– Звали. Её звали Оливия.

– А папеньку Вашего, полагаю, звали Бранд? – Бодес прищурился.

– Да. Но откуда...?

Господин Бодес мягким жестом остановил Хрюна.

– Мы уже встречались с Вами, юный господин Хрюнвальд Мартелл. Правда Вы вряд ли это вспомните, на тот момент ваша мать была беременна Вами! – господин Бодес улыбался как человек наконец-то получивший долгожданное письмо. – Но довольно прелюдий, предлагаю перейти в обеденный зал и перекусить. Он хлопнул в ладоши.

Обеденный зал всячески подчёркивал, что с холлом – библиотекой он ни в каком родстве не состоит. Здесь был невысокий потолок, метров пять от силы, пастельные тона отделки и полное отсутствие книг. Зато были два уютных камина, возле одного лежала шкура, как предположил Хрюн, белого медведя, ну или зверя не меньшего размера и кровожадности, судя по когтям. Возле второго стояла пара мягких кресел и столик. Одно из кресел, явно гордившееся тем, что является любимицей хозяина, было довольно потёрто и просижено. Обеденный стол был круглым. Судя по количеству стульев, на двадцать четыре персоны, мгновенно сосчитал Хрюн.

Голова Хрюна сейчас работала как калькулятор. Он уже собрал первый комплект вопросов, разделил их на первоочередные и второстепенные, далее разделили их на те, что можно задать волшебнику и те, на которые может ответить Барбер. Но воспитанность требовала сначала съесть первое блюдо.

– Прошу вас, господа. Селеста, подавай, – слова Бодеса уже не разносились эхом по комнате, а звучали мягко и успокаивающе: – Занимайте места, господа, согласно купленным билетам. Свой кувшин Вы можете поставить на камин. Он останется там, пока Вы не захотите взять его снова.

Он улыбнулся.

В столовую тут же вошла девушка в белом фартуке в сопровождении двух енотов. Настоящих енотов. Каждый из этой троицы катил перед собой тележку с блюдами. Тележки енотов были чуть меньше. Пока девушка, названная Селестой, сервировала стол, Хрюн рассмотрел енотов как следует и прыснул от смеха. То, что он изначально принял за белые пушистые животики, оказалось фартуками. Вы видели когда-нибудь енотов в фартуках?

– Ты в меня ещё пальцем потыкай, – насупившись, вдруг произнёс ближний к Хрюну енот. – Я тебе откушу этот палец. По самый локоть. Усёк?

– Он может. – Добавил второй енот.

– П..простите, – только и смог выдать из себя Хрюн. – Не хотел Вас обидеть.

Еноты посмотрели на него, как умственно-отсталого, и продолжили подавать Селесте приборы.

– Прошу прощения за моих помощников, господа, – извинился господин Бодес: – Это Фрам и Филлис. Есть ещё Филипп, но он сейчас выполняет моё задание. Фрам имеет пробелы в области этикета. И думаю, он не собирался кусать вас за что бы то ни было.

Енот по имени Фрам нехотя кивнул.

А Клод Бодес продолжил:

– Итак, господа! У нас троих есть много вопросов друг другу. Позвольте мне, на правах хозяина, начать первым.

Барбер, которого после упоминания о «прадедушке» сильно подмывало устроить допрос господину Бодесу, не решился возразить и кивнул. Тем более, что перед ним стояла жареная индейка. Стояла и остывала. Поэтому Барбер немедленно запустил в неё лапы.

– Да, конечно. – также кивнул Хрюн.

– Как Вы оказались на краю моего леса, ммм.... господин Мартелл?

– Зовите меня лучше Хрюнвальд, или Хрюн, господин Бодес. Барбер сказал, что в вашем мире «господин Мартелл» – практически смертный приговор.

– Вы правы, у людей с фамилией Мартелл шанс оказаться на плахе намного выше, чем у прочих. Хрюнвальд – тоже имя прославленное Мартеллами, давайте остановимся на Хрюне. – Бодес вздохнул. – Расскажите мне свою историю, Хрюн.

Глава 5 «Глава о вопросах и немного об ответах»

Пока Хрюн излагал обстоятельства и хронологию его появления здесь, господин Бодес молчал, ни разу не перебив вопросом. Хотя вопросы вряд ли требовались. Рассказ Хрюна напоминал доклад опытного офицера. Пару раз господин Бодес улыбнулся. Когда Хрюн дошёл до встречи с вороном, хозяин башни жестом остановил его.

– Дальнейшее мне известно. Я бы хотел еще узнать всё о жизни Ваших родителей и Вашей в том мире, но боюсь, это отнимет очень много времени. Если бы Вы не отказали мне, я мог бы считать Вашу память напрямую. Вы ведь не боитесь?

Следует отдать должное Хрюнвальду. Он очень быстро соображал и да, он почему-то совершенно не боялся этого человека. Хотя узнай он мир, в котором ему довелось оказаться, получше, он бы выяснил, что девять из десяти местных жителей, выбирая между общением с господином Бодесом и бассейном с крокодилами, остановились бы на бассейне. Искренне полагая, что потеря конечности лучше потери разума. Хрюнвальд же только спросил:– Больно будет?

Клод Бодес снова улыбнулся. Вероятно реакция Хрюна поставила точку в каком-то внутреннем споре мага с самим собой: – Из побочных реакций будет кратковременная потеря в пространстве и небольшое головокружение, пройдет в течение минуты.

– Хорошо. Что нужно делать?

– Ничего не нужно, – Бодес вдруг посерьёзней. – Расслабьтесь и посмотрите мне в глаза. И комната заверте.....

Когда к Хрюну вернулась ясность мысли, ну или некое подобие ясности, он первым делом проверил, всё ли, должное оставаться внутри человека до поры до времени, осталось именно внутри. И успокоенно выдохнул, обнаружив штаны чистыми, а скатерть по-прежнему белоснежной. Комната снова стала статичной. Из звуков доносилось лишь бульканье.

Это Барбер наливал себе неизвестно какой по счёту бокал вина. Вероятно трезвость он почитал смертным грехом и доводить себя до такого греха не собирался. Он уже начал икать, и теперь, рассудив как опытный гомеопат, что подобное лечится подобным, вином же пытался икоту унять. Получалось не очень.

Клод Бодес, до того сидевший, прикрыв глаза, вдруг очнулся.

– Я вижу, у Вас, молодой человек, ко мне куча вопросов.

– Да, если позволите, господин Бодес! – начал было Хрюн, но Бодес жестом остановил его.

– Господин Барбер, я полагаю описание устройства нашего мира Вас мало заинтересует. Вы с ним знакомы. Вероятно Вам будет интереснее пойти осмотреть свои покои, Селеста уже приготовила Вам спальню. Там, кстати есть бар. Фрам проводит Вас.

Барбер открыл было рот, но перечить Всевидающему Бодесу, даже в пьяном виде, не решился. Тем паче рядом с ним уже, как из-под земли, вырос енот. Поэтому Барбер только кивнул и поднялся. Через десять секунд маленький слуга с массивным гостем скрылись в дверях.

– Итак, – господин Бодес сложил руки на животе, сплетя пальцы: – с чего хотите начать?

– Я накидал около двухсот вопросов, от принципа работы магии до наличия здесь драконов, пытался выделить важнейшее, но понял, что важным является всё. – Хрюн немного смутился: – Боюсь утомить Вас.

Чародей улыбнулся: – Тогда начнём с драконов. От простого к сложному. Драконы здесь есть, но к сожалению, на грани полного вымирания. Отчасти благодаря Вашему прадеду Уго Второму. Он любил на них охотиться. Отчасти благодаря ценной шкуре, которую пускают на дорогие доспехи. Хотя на мой взгляд снимать шкуру с разумного существа – варварство.

Теперь о принципах работы магии..... Боюсь этот ответ займёт не меньше недели.

Увидев умоляющие глаза Хрюна, господин Бодес задумался:

– Ну ладно, юный Мартелл, постараюсь обрисовать хотя бы верхушки. Вы получили хорошее образование, поэтому вероятно знаете о существовании невидимых полей, пронизывающих мир. Есть поле магнитное, поле электрическое, поле гравитационное, поле информационное, поле тепловое, – начал чеканить он тоном преподавателя, которому внимало не меньше сотни первокурсников: – Есть поле магическое. У поверхности земли оно довольно слабое, чем выше, тем сильнее. Есть несколько теорий на сей счёт, преобладает две. Либо что-то глушит магическое поле на поверхности земли, либо по аналогии с электричеством – оно заземляется, теряя потенциал. И так же как электричество, магию можно запасать впрок. Поскольку магическое поле располагается довольно высоко, магам, для накопления существенного запаса, приходится пользоваться некими антеннами – башнями. Айны, например, жители леса, пользуются для этих целей деревьями. Таким магам, которые занимаются исследованиями, магической энергии требуется много и постоянно, поэтому мы просто живём в башнях.

Он протянул руку, и Филлис тут же подала ему бокал с вином, а пока чародей смачивал горло, долила также и Хрюну, который впрочем, предпочтя духовную пищу, ни к вину, ни к еде почти не притрагивался.

– Постигать природу полей маги-исследователи, такие как я, начали уже давно. Мы даже научились пользоваться ими, но всё равно пока находимся лишь у подножия пирамиды. У Вас появился вопрос, молодой человек?

– Да, простите. А как запастись магией?

– Проще всего – в предметы. Аккумулятором может быть любой предмет. Чем плотнее материал, тем больший объём магии он может вместить. Дерево – слабый накопитель, хотя те же айны предпочитают именно дерево. Металл – уже более ёмкий, но драгоценные камни – лучший выбор. Амулеты, перстни, посохи, да хоть зонтики или сапоги. Для бытовых целей достаточно и того, что накапливается в самом человеке. Ведь далеко не каждый день возникает нужда сдвинуть гору, – Бодес отвёл левую руку в сторону и услужливый Фрам подкатил под эту руку столик с курительными принадлежностями. Маг взялся набивать трубку.

– А как стать магом? И всем ли доступна такая возможность? – Хрюн опустил глаза, надеясь, что господин Клод не увидит в этом банальном вопросе его истинного интереса. Но с тем же успехом молодой человек мог попытаться спрятаться за чайную ложку. Естественно от Бодеса не укрылись ни тайные желания Хрюнвальда, ни его забавные попытки скрыть их.

Маг выдохнул облако дыма и улыбнулся: – Возможность доступна всем. В том числе и Вам. А стать можно двумя путями. Первый – самый надёжный. Учиться. Читать, экспериментировать, слушать учителя. Второй – редкий и опасный. Вам он вряд ли подойдёт.

– Но могу я хотя бы узнать про него? – Хрюну стало неловко за свою нахрапистость, но таков уж он был, этот Хрюн. Им овладел зуд новых знаний.

– Извольте. Некоторые магические знания можно получить, если какой-либо маг перенесёт в Вашу голову свою память. Но я за свою жизнь могу припомнить едва ли десяток подобных случаев, – Бодес снова пыхнул трубкой: – Ведь маг не копирует свою память, он её переносит. Целиком. Ему это стоит жизни. Согласитесь, мало найдётся людей, готовых отдать свою жизнь за чужое образование. Но и для получившего сей «дар» опасностей немало. Не всякий мозг может взять такой объём информации и не повредиться рассудком. А у людей слабых и вовсе могут возникнуть проблемы с самоидентификацией. Память двух человек в одной голове. Ну и потом не забывайте, что для такой процедуры магу необходимо иметь хоть какое-то представление о работе с разумом. Быть моим коллегой, если угодно.

Хрюн молчал. Вероятно живо представил себе описанное и погрузился в задумчивость от тяжести увиденного. Бодесу, впрочем, не было нужды в словах. Он читал Хрюна с той же

лёгкостью, с какой сам Хрюн перелистывал страницы ежегодного издания «Архивы для продвинутых. Законы и формуляры». Через минуту молодой человек снова ожил.

– А позвольте ещё вопрос. Все волшебники одинаковые? Или есть светлые и тёмные? – Хрюн опять смутился, от наивности своего вопроса. Но в тех книгах, которые он читал, обязательно были хорошие волшебники и злые колдуны. Злые неизменно строили козни и проигрывали в конце.

– А все люди одинаковы, юный Мартелл? Маг – всего лишь профессия. Как плотник. Если Вы имеете в виду различные виды магии, то да – различия есть. Поскольку нельзя быть одновременно хорошим шахтёром, певцом и архитектором, мы специализируемся на том, что у нас получается лучше всего. Или на том, что больше нравится. Я, как Вы наверно уже успели отметить, специализируюсь на работе с разумом. Людей, животных. Через два дня меня посетит старый друг, Уважаемый Ахмед, он великий мастер трансформы. Думаю, вам полезно будет встретиться.

Бодес откинулся на стуле и хитро прищурился: – Ваш отец, кстати, одно время даже хотел стать учеником Уважаемого Ахмеда. А теперь, молодой человек, ступайте отдыхать, у нас еще будет время поговорить. Фрам, проводи гостя.

Хрюн, который и в самом деле клевал носом, благодарно кивнул. Вставая, он отметил, что енот бесшумно отодвинул сзади стул. Вот ведь. Видимо фрондёрство Фрама было чистой воды защитной реакцией. И вправду, нелегко должно быть еноту жить на равных среди людей.

Поднявшись по винтовой лестнице на два этажа, войдя в комнату и машинально отметив, что, судя по раскатистому храпу, Барбер изволит почивать в соседней спальне, Хрюнвальд рухнул на кровать. Енот тихонько прикрыл за ним дверь.

Глава 6 «О крушении надежд и новой жизни»

Снилось Хрюну в эту ночь невесть что. То он стоял в одиночестве по пояс в крови, простиравшейся до горизонта, но при этом слышал женские крики на неизвестном языке, а то вдруг оказывался одетым в латы, но меч был деревянным, и вместо щита к руке крепилась огромная книга. И этой книгой он прикрывался от дракона, который дышал огненными шарами и басом уговаривал Хрюна вернуться домой. А Хрюн стоял посреди своего архива и не мог понять, почему его гонит этот дракон. Вероятно, рабочий день закончился....

Немудрено, что проснулся Хрюн рано. Совершил утренний туалет, привёл себя в порядок и вышел в коридор. Где тут же услышал голос Селесты:

– Доброе утро. Вам подать завтрак?

– Доброе. А господин Бодес уже завтракал?

– Нет. Хозяин спустится к завтраку через час.

– Тогда я подожду хозяина. Спасибо, – и Хрюн, вежливо кивнув, устремился в сторону лестницы. Ноги несли его в библиотеку.

За этот час Хрюн успел ознакомиться с названиями нескольких сот книг, и, выбрав одну, озаглавленную «Занимательная магия», погрузился в чтение. Судя по языку, книга была написана для детей. Погрузился настолько, что даже не услышал вежливого побряхтывания Филлис за спиной.

– Хозяин Вас к завтраку приглашает! – енотиха была в том же белом фартучке. Видимо форма для слуг, решил Хрюн.

– Да, спасибо Филлис, сейчас поднимусь. – Хрюн с сожалением захлопнул книгу и поставил на место. Голод, который его сейчас одолевал, был голодом знаний.

Барбер уже был в столовой и о чём-то негромко переговаривался с Бодесом. После небольшого обмена любезностями с хозяином и ответного кивка Барберу, Хрюнвальд сел за стол.

Бодес взглянул на него и улыбнулся:– Не спешите, господин Мартелл. Знаниями, как и пищей, можно подавиться, если принимать безудержно. У Вас впереди целая жизнь. Обогнать её течение у Вас вряд ли получится. Не спешите и успеете. Цените «сейчас».

Пружина под задницей молодого архивиста тут же значительно ослабла. Хрюн кивнул, и, дождевав бекон из яичницы, уже собрался спросить господина Клода о.....

– Доешьте, – Бодес указал пальцем на тарелку Хрюна: – И тогда получите час вопросов и ответов.

«Ну, прямо как мама», подумалось Хрюну. Теперь он старался жевать чуть медленнее и даже начал ощущать вкус пищи, на удивление превосходной.

– Всевидящий, – вдруг подал голос Барбер: – а Вы знаете, как починить мой медальон? Или кто может починить? А то я без него как голый хожу...

– Да, пожалуй, знаю. Портал Ваш, с очень большой долей вероятности, сделан моим другом Хагеном. Вряд ли в этом мире найдётся кто-то, кто скажет, что он превзошёл Хагена в искусстве телепортации. Думаю, тот, кто может создать, сможет и починить. Или сделать новый портал, если Вам не принципиально. Правда, боюсь, услуги его не бесплатны.

Лицо Барбера в течение этой фразы выразило целую гамму чувств: «радость предвкушения», «неудержимую надежду игрока», далее миновало «уверенность идиота» и остановилось на выражении «похороны любимой тётушки».

Клод Бодес отставил от себя тарелку и накинул её салфеткой: – Но я подумаю, чем Вам помочь.

Барбер снова просиял «неудержимой надеждой игрока».

– В конце концов, это поможет и Хрюнвальду. – Бодес вздохнул: – Он ведь практически непрерывно думает о том, как вернуться домой.

– Но Вы сказали, что не сможете починить медальон! – Хрюн поднял глаза от тарелки: – И я подумал.....

– Сказал. И это правда. Но правда также и в том, что даже исправный медальон Вам мало чем поможет. – Бодес взглянул на округлившиеся глаза Хрюна и показал рукой на кресла у камина: – Пойдёмте к огню, присядем, поговорим.

Кресел у камина было два. Уж что-что, а до двух Барбер считал непревзойдённо и безошибочно. А седалищ у желающих поговорить было равным счётом три.

– Барбер, возьмите себе кресло у дальнего камина и присаживайтесь.

Господин Клод и Хрюн уже уселись перед очагом, а Барбер до сих пор стоял и переводил взгляд, то на дальнее кресло, весившее, по виду, как детёныш бегемота, то на Бодеса. Причём на Бодеса он поглядывал, нахмурившись и явно думая о нём что-то нехорошее.

Бодес вздохнул снова и повёл рукой. Дальнее кресло приподнялось над полом, подплыло и мягко опустилось рядом с Хрюном. Барбер перестал сопеть, кивнул и уселся в него. Вселенская справедливость была восстановлена.

– Проблема, дорогой Хрюнвальд, – Бодес немного поёрзал в своём потёртом кресле, дожидаясь, пока оно идеально примет форму его тела: – не в медальоне. Проблема в той точке, куда он должен будет Вас доставить. Вы знаете, где находится Ваш мир?

– Ммм, боюсь, что нет. – Хрюн энергично замотал головой, чтобы показать магу насколько именно он не знает координат своего маленького домика в безграничной вселенной.

– Но Вы хотя бы можете быть уверены, что Ваш мир находится на другом небесном теле, а не является параллельным нашему? Видите ли Вы отличия в силе притяжения, составе атмосферы, расположению звёзд на небе?

– Не знаю. Наверное нет, – В горле у Хрюна как-то неприятно пересохло: – Сила притяжения такая же, а звёздами я никогда особо не интересовался, хотя небо выглядит похоже. Чёрное, со звёздами.

– Куда, в таком случае, надлежит Вас доставить порталу?

– Но ведь Барбер как-то попал ко мне в шкаф.....

– Барбер, Вы давали какие-нибудь указания порталу? – Бодес выглядел всё более задумчивым.

– Нет, я ж рассказывал. Я сказал что-то типа «Спасай. Вытащи меня отсюда», и всё.

– Но тем не менее портал знал конечную точку. Хмм. Ну тогда всё не так плохо, – Бодес замолчал. Он сидел, обхватив правой рукой свою бородку, и смотрел в огонь. Пальцами левой он постукивал по подлокотнику. Отблески огненных сполохов на его лице придавали ему вид мистический и зловещий.

Пара «горе-путешественников» сидела тихо, боясь помешать мыслительному процессу мага.

Наконец господин Бодес закончил свой «мозговой штурм», о чём сообщил щелчком пальцев.

– Итак. Портал знал конечную точку. Эту точку он ассоциировал со спасением. Но порталы не имеют собственного разума. Значит этот маршрут в него заложил создатель портала. Поскольку на другом конце этого пространственного туннеля был обнаружен Хрюнвальд Мартелл, что вряд ли может быть совпадением, могу предположить, что либо порталов, идентичных медальону Барбера, изначально было больше, и одним из них ранее воспользовался Бранд Мартелл, спасая свою семью, либо

– Либо? – переспросил Хрюн чуть слышно.

– Либо он изначально был задуман как «запасный выход». Для возвращения Мартеллов домой.

Если мои предположения верны, а ошибаюсь я редко, мой друг Хаген помог Бранду спастись, а теперь помог наследнику вернуться.

Хрюн поморщился при слове «наследнику».

– Но я не собирался никуда возвращаться. Если бы Барбер не попытался меня ограбить....– Хрюн перевёл взгляд на Барбера, который сосредоточенно изучал свои ногти.

– А чего Вы хотите сейчас, Хрюнвальд Мартелл? – глаза Бодеса, как серые буравчики вонзились в глаза гостя. И не было сил отвести взгляд. – Вам хочется вернуться к себе в скучный архив или открыть для себя Этот мир? Конечно, там у Вас возможен карьерный рост, лет через тридцать Вам, возможно, удастся дослужиться до главного помощника Великого Архивариуса. Здесь у Вас карьерного роста не будет. Вы – наследник Дхар-Дастана. А королям расти некуда.

«Наследник Дхар-Дастана» опустил голову.

– Я не знаю. Я видел только ту жизнь. Я знаю как устроена жизнь в Малоране. Здесь я не знаю ничего. Кроме того, что мне могут отрубить голову. Наверно королевских наследников с детства обучают управлению миллионами людей, ведению войн, политике. Мой отец успел меня научить только сидеть на горшке и сражаться деревянным мечом с вымышленными драконами. Вряд ли эти умения помогут мне сидеть на троне и вести настоящие войны. Да и трон-то, я так понял, занят.

– Ну ты даёшь, Хрюн, – подал вдруг голос Барбер.– Я бы левую руку отдал за такой шанс как у тебя. Королём стал бы и руку обратно отрастил. Ты ж ни монеты не поставив – «Джек-пот» вытянул. И ещё сомневаешься, брат – не брат. Иди в короли, не думай. Всевидящего сделаешь королевским магом, меня начальником королевской охраны. Мы тебя в обиду не дадим, правда, господин Бодес? – Барбер подмигнул волшебнику.

Бодес, набивавший в это время трубку, от такой фамильярности едва заметно поморщился и Барбер тут же сделал серьёзное лицо.

На некоторое время единственными звуками в столовой стали потрескивания камина.

– Я одного понять не могу. – снова заговорил Хрюн, оставив без ответа барберову тираду:– Зачем отцу понадобилось в другой мир бежать? Неужели в этом места мало, чтобы укрыться?

Бодес затянулся незажжённой трубкой, и она задымилась сама по себе.

– Боюсь, что в этом мире Бранда нашли бы в течение получаса. Заклинанием «родной крови». В Печилии течёт кровь Мартеллов, и лорд Невилл этим уже неоднократно пользовался для поиска Вашей родни. К счастью она Бранду не настолько близкая родственница, как отец или мать. Иначе и в далёком Малоране его бы нашли. Я ведь тоже о «родной крови» первым делом подумал, чтобы Ваш дом найти, но, к моему великому сожалению, родных у Вас там не осталось.

Барбер слушал господина Бодеса с не меньшим интересом, чем сам Хрюнвальд. Он ещё в детстве понял, что бесполезной информации не бывает. Любое знание в какой-то ситуации может пополнить кошелек или спасти жизнь. А в ситуации Барбер попал с устрашающей регулярностью. Неожиданное обретение «наследника престола» в перспективе сулило большие дивиденды. Но от кого они придут, от лорда Невилла или от самого Хрюна, и не обернутся ли они потерями в виде, например, головы, Барбер и сам пока не знал. Но не сделать ставку в этой игре Барбер не мог. Барбер был азартен. Да и мальчишка ему нравился. Честностью. Прямотой. Распахнутым взглядом на мир.

Эти качества раньше наличествовали и у самого Барбера, но давно были им запрятаны поглубже, как мешающие выживанию в равной степени и в верхних и в нижних слоях дастанского общества. За годы вольной жизни сын Корбана Рыжего смог нарастить себе такую твёрдую шкуру, что водись на Дхаре носороги – они бы ему обзавидовались. Но восторженный паренёк внутри никуда не делся. Правда, увидеть его постороннему не представлялось возможности. Промелькнёт иной раз в глазах Барбера искринка, да и пропадёт как не было. Если и заметит её случайный свидетель, сам себе не поверит. Уж больно не вяжется медвежья внешность со щенячьим взглядом.

Дальше, как и обещал Бодес, был час вопросов и ответов.

За этот час Барбер три раза сходил до стола за наливкой, несколько раз громко высморкался и пару раз зевнул. Но не ушёл. Начинались большие ставки, поэтому, чем больше будешь знать о других игроках, тем выше шансы.

Глава 7 «В которой Хрюнвальд знакомится с Мартеллами. Пока заочно»

Когда хозяин, сославшись на занятость, откланялся, и Хрюн галопом помчался в библиотеку, Барбер, к удивлению и Хрюна и своему собственному, пошёл с ним.

В библиотеке он свистнул ворону, сидевшему на насесте под потолком. Ворон послушно спланировал вниз. Барбер велел ему найти книгу о генеалогии Мартеллов, незамедлительно получил в руки увесистый фолиант маронового цвета и через минуту уже изучал в нём картинку, закинув ноги на стол.

– Как ты догадался про ворона? – Хрюн, задрав голову, изучал птицу, уже вернувшуюся к себе на насест. Но опознать, тот ли это ворон, который выступил их провожатым, или нет, у молодого человека не вышло.

– А ты сам подумай, Хрюндель Второй. Летать Всевидящий не умеет, а книги до потолка. Зато ему служат вороны, которые как раз летать умеют. А теперь подумай, зачем в библиотеке птичий насест? – Барбер поклонявил палец и перевернул страницу. На следующей были изображены придворные дамы в донельзя пышных платьях, но с глубоким декольте. Барбер зацокал языком.

– Ты прав, наверно я тупица, – вздохнул Хрюн: – Но для меня, что летающие люди, что разумные животные – одинаково невероятные вещи! Мне пока сложно логически подходить к магическому миру. Я ведь тут всего несколько часов. Надеюсь, господин Бодес найдёт этого Хагена, и тот вернёт меня обратно. – Хрюн сел в соседнее, богато изукрашенное резьбой, кресло.

Барбер взглянул на него поверх книги. В глазах явно читалось неодобрение:– На-ка, погляди на своего прадеда Хрюнвальда. – и протянул фолиант Хрюну. Тот взял.

Со страницы на Хрюна смотрел статный сорокалетний человек. Длинные чёрные волосы спадали ему на плечи, подбородок его, скулы и даже сам рот прятались в короткой, но густой, чёрной бороде. Нос прадед имел с заметной горбинкой, глаза его, едва прищуренные, выдавали в нём весьма умного человека. Над чёрными же бровями, посреди королевского лба, на тонком ободке поместился сапфир величиной в голубиное яйцо. Одежда на портрете была такого же тёмно-синего цвета, вероятно намекая на родственную связь с сапфиром. За исключением сапог. Сапоги имели цвет грязно-бордовый, плохо сочетаясь с общим обликом. Стоял король, опираясь на длинный двуручный фламберг. Меч, как язык пламени. Внушительный дядька, одним словом.

– Сапоги не подходят. Какие-то грязные, некорольские. – Хмыкнул правнук.

– А я бы от таких не отказался. Пару тысяч они точно стоят. Можно дом купить. Если рука поднимется продать. – Барбер забрал книгу и мечтательно посмотрел на сапоги.

– И за что такая цена?

– За то, что это – кожа дракона. С брюха. Самая дорогая. Ей сносу нет. Их даже огонь не берёт. И в воде, кстати, тоже не тонут. – Барбер посмотрел на свои сапоги не первой свежести, потом нахмурился и вздохнул: – Драконья шкура вообще очень прочная и лёгкая. Они ж летают. Летали.

Барбер зевнул и почесал пузо. Плотный завтрак подействовал на него расслабляюще: – Из крыльев обычно плащи шьют, ни стрелой, ни ножом не пробиваются. Со спины доспехи делают, – он поклонявил палец и перевернул страницу: – О, а это выходит дед твой, которого Невилл отравил.

Хрюн придвинул к Барберу кресло и весь следующий час они изучали то самое «дерево, которое простолюдины не заводят». На отце остановились надолго. И на Пецилии тоже, потому что Барбер тут же вспомнил про неё десяток анекдотов и теперь спешил ими поделиться с тем, кто их никогда не слышал. Их хохот гулко раздавался под сводами библиотечного зала, отчего ворон периодически приоткрывал один глаз и укоризненно смотрел вниз.

Остаток дня прошёл у них в таком же весёлом расположении духа. И даже господин Бодес, с которым они встречались ещё дважды, за обедом и ужином, заразился их смешливостью и даже отпустил пару шуток, весьма остроумных. После ужина Хрюнвальд, прихватив из библиотеки десяток книжек, ушёл к себе в комнату, а Барбер к себе, благо бар в его спальне ежедневно пополнялся.

Но через пару часов в дверь к Барберу вежливо постучали. И после разрешения войти, в дверь просунулась мордочка Филлис: – Хозяин просит Вас присоединиться к нему в столовой. Одного.

И пропала, не дожидаясь ответа.

Господин Бодес сидел в любимом кресле у камина. Увидев Барбера, он вынул трубку изо рта и указал ей на соседнее кресло. Барбер кивнул и шумно плюхнулся на указанное место.

– Что Вы думаете о юном Хрюнвальде? – без прелюдий спросил Бодес.

– Башковитый парень. Даром, что молодой. Быстро схватывает.

– Мальчик хочет вернуться домой. Не могу его осуждать, хотя и предпочёл бы иной вариант. Но, так или иначе, сейчас ваши с ним цели совпадают. Вам обоим нужен Хаген. Вы ведь хотите получить свой медальон обратно?

– Конечно хочу. Только пока не соображу как.

– У меня есть к Вам предложение. Но сначала, Вы позволите? – Бодес бросил взгляд на лоб Барбера.

– А у меня есть выбор? – угрюмо спросил здоровяк.

– Боюсь, что нет, – тихо ответил господин Бодес: – Расслабьтесь.

Камин перед глазами Барбера неистово завращался.

– У меня к Вам есть предложение, – продолжил Клод Бодес, едва глазам Барбера вернулась осмысленность: – Вы должны будете сопровождать юного Мартелла. Один он, боюсь, в нашем сложном мире и недели не проживёт. Поэтому ему нужен рядом человек, знающий, как что устроено. Человек, способный защитить от уличного грабителя и избежать стражников лорда Невилла.

Такой пройдоха, как Вы, одним словом. А за эту услугу, я напишу письмо Хагену и попрошу его изготовить для Вас новый портал. Расходы я возьму на себя.

– Вы умеете убеждать, Всевидящий. Я вот одного не пойму, на кой Вы ко мне в черепушку лазили?

– Мне нужно было убедиться, что я делаю правильный выбор.

– Ясно. Лады, согласен я. Но нам понадобятся деньги на расходы. У Малого ни кроны, у меня тоже. – Барбер вытянул ноги к огню и скрестил пальцы на животе.

– Средствами я вас обеспечу. Перед отъездом. Но хочу Вас предостеречь, Барбер. Если с мальчиком что-то случится, Вас постигнет та же судьба. – Господин Бодес выдохнул облачко дыма, которое на лету приняло вид кинжала и, пролетев перед глазами Барбера воткнулось – развеялось в углу камина. Пускальщики колец в тавернах за такой трюк бы родную тещу отдали.

– Ну понятно. Кнут и пряник. Да не беспокойтесь Вы, я присмотрю за пацаном. И помогу назад вернуться. Хотя и я бы предпочёл, чтобы он остался тут, королём. А я при нём. – Барбер сам ухмыльнулся своим мыслям. Видимо те ещё были мысли.

– Так помогите мальчику сделать правильный выбор. Я далёк от политики, как и она от меня, но с семьёй Мартеллов меня связывает многолетняя дружба. – С этими словами господин Бодес поднялся, давая понять, что аудиенция окончена: – Простите, меня ждёт работа.

Маг ушёл, но Барбер ещё долго сидел у камина и смотрел на огонь. Он думал.

Глава 8 «О пользе чтения перед сном»

А Хрюнвальд в это самое время, разложив на постели стопку книг, выбирал себе книжку на ночь.

Наконец, выбрав ту, что сулила более приятные сны, убрал остальные на прикроватный столик, залез под одеяло и открыл. Книга называлась:

«Легенда о бессмертном Борухе»

В давние – стародавние времена, когда магия ещё струилась в мире спокойно, и ни один волшебник еще не построил башни, жил один маг по имени Борух.

Борух был молод, красив и умён. И однажды он задумался о смерти. Задумался крепко. Несколько недель он думал, и пришёл к выводу, что смерть – это плохо. Смерть – не для него.

Но ему мало было избежать смерти, маги могут сколь угодно долго продлять свою жизнь. Маги всё равно старели. Покрывались морщинами и сединой. Борух не хотел тысячи лет быть старым.

Он хотел навсегда остаться молодым. И это была первая сложность.

Маги могли жить долго, но они оставались смертными. Их мог убить любой разбойник в подворотне, или сброшенная орлом черепаха, неумение плавать или ядовитая змея. Борух не хотел быть смертным. И это была вторая сложность.

Следующее, что печалило Боруха, были болезни. Нельзя жить вечно, приобретая каждые полсотни лет очередную неизлечимую болячку. Иначе вечная жизнь станет вечной мукой.

Борух должен победить болезни. И это была третья сложность.

Но Борух был расчётливым и упорным. Он составил план и через три дня собрал себе котомку и отправился в дорогу. Путь его лежал на Юг. На Юге были другие маги, они могли дать ему знания, в которых он нуждался. Несколько лет провёл он в поисках, и когда уже ни один волшебник не мог сообщить ему ничего нового, он снова собрался и отправился на Восток. Он слышал о восточных волшебниках много странного и надеялся, что там он получит ответы на свои вопросы.

На Востоке Борух провёл много лет. Он стаптывал ноги до кровавых мозолей, добираясь до дальних селений в горах, где жили маги, не выходившие в большой мир сотни лет. Там он получил ответ на третий вопрос.

Он мок под многомесячным дождём, сидя во дворе у мага, который не желал говорить с Борухом. Сезон дождей сменился солнечной погодой, дни сменялись ночами, а Борух сидел у двери нелюдимого волшебника. Пока однажды волшебник не выдержал и не открыл дверь. У него Борух научился сохранять молодость, и не только сохранять, но и поворачивать время вспять.

Но ответ на главный вопрос был на Востоке неизвестен. Восток дал Боруху очень много, но пора было двигаться дальше. Борух пошёл на Север. Это было самое сложное его путешествие. Десятки раз он едва не погибал, отмораживал пальцы, нос и уши. Но спасибо горцам, теперь он умел восстанавливать тело от любых повреждений. Людей на Севере мало, и расстояния между ними огромны, но Борух упорно шёл и шёл месяцами от одного местного шамана до другого.

Однажды на него напала стая волков. Борух был настолько обессиленным от голода, что едва мог поднять руку, но смог поразить троих волков, прежде чем остальная стая стала рвать его на куски.

Очнулся Борух в меховом доме местного шамана. Все вырванные волками части тела были на месте.

– Зачем ты пришёл сюда, странный человек? Ты ищешь Смерти? – спросил его шаман.

– Нет. Я ищу Жизни. – Честно ответил Борух.

– Ну если ты готов умереть, чтобы обрести Жизнь, я дам тебе её. Раз уж я взялся спасти тебя от Смерти. Нельзя останавливаться посреди дороги. Остановка- уже Смерть. Только движение вперёд даёт Жизнь.

И шаман раскрыл Боруху тайну Неуязвимости.

В благодарность Борух открыл шаману все знания, что успел он обрести в пути.

А дальше путь Боруха лежал на Запад. Домой.

Но дома у Боруха уже не было. Его дом сторел до основания. Когда Борух постучался к односельчанам, узнать, что случилось, те рассказали, что семья его заболела странной чумой. Никто не знал, что делать, пока человек из Дхар-Дастана не предложил искоренить огнём заразную болезнь. Тогда односельчане подпёрли дверь дома поленом и запалили дом с четырёх сторон. В этом огне и погибла вся семья Боруха.

Опечалился Борух. И свидетельством его печали были головешки, которые он оставил от родного когда-то селения. Но нужно было жить дальше, ведь впереди была- бесконечность.

И однажды в городские ворота великого Дхар-Дастана вошёл неприметный человек. Человек прошёл беспрепятственно через стражу, миновал торговцев и попрошаек. Он шёл на центральную площадь. А на площади в этот день казнили преступника, и в тот момент, когда человек вошёл на площадь, ему с эшафота зачитывали приговор. Но человек не стал слушать про злодеяния осуждённого, он сам поднялся на эшафот. Народ замер. И человек обратился оттуда к народу:

– Жители города! Меня зовут Борух. Я пришёл и буду жить в вашем городе. Обещаю не доставлять вам хлопот, если вы пообещаете то же!

– Кто ты такой? – раздался голос из толпы. Голос принадлежал пьяному человеку, из тех, что называют задирами и стараются обходить стороной.

Борух посмотрел на него. И задира вдруг стал быстро стареть и не прошло минуты, как он, охнув, упал и умер.

– Этот человек был одинок? – Спросил тогда людей Борух. Толпа испуганно закивала.

– Тогда я поселюсь в его доме. Покажите мне его дом.– И Борух спустился с эшафота.

Прошёл месяц. Борух приходил есть в таверну, платил за себя и молча уходил. Недоумение людей, обернувшись страхом сначала, спустя месяц обернулось злобой. Жители города боялись Боруха, страх рождал ненависть, ненависть советовала убить. И сговорились жители убить Боруха.

Они собирались ударить его сзади по голове дубинкой, когда он будет возвращаться из таверны домой, а потом зарезать и сбросить в реку. Вызвалось пять смельчаков. Больше их никто не видел. А на другой день Борух снова пришёл в таверну. Поел, расплатился и ушёл. Но теперь люди заметили, что от прихода Боруха им стало хуже со здоровьем, а юные девушки в тот вечер впервые заметили на своём лице морщинки.

Тогда люди пошли к королю с просьбой избавить их от страшного Боруха. Но король ответил, что смерть от старости одного или пропажа других, собирающихся совершить пре-

ступление- не основание для ареста Боруха. И снова задумались люди. И решили позвать волшебника.

Но никто из старых волшебников не откликнулся. Жившие долго волшебники не хотели умирать по чужой прихоти. И тогда вызвались два молодых мага. Молодым страх не ведом. Один из магов был мастером трансформы, другой испытывал разум. Друзья – маги в назначенный час заняли место в таверне и когда Борух снова появился, один из завсегдатаев, проходя мимо него, воткнул ему в грудь нож. Это было сделано для того, чтобы ослабить Боруха и чтобы молодые маги могли увидеть возможности Боруха. Борух вынул нож из груди, медальон на ней засиял ярко и рана на глазах у всех затянулась.

– Ты забыл у меня в груди свой нож. – Тихо сказал он завсегдатаю. Тот испуганно посмотрел на Боруха и вдруг упал на пол. Из всех отверстий и глаз у завсегдатая полилась кровь. И он умер.

Два месяца друзья – маги изучали заклинания и строили план. Они поняли, что убить Боруха, не убив весь город, им не под силу. Они поняли, что Борух берёт жизненную силу у горожан. И чем больше друзья отнимут её у Боруха, тем больше он отнимет у горожан. И они придумали как обезвредить пришлого мага.

Они написали Боруху письмо, что ждут встречи с ним во внутреннем дворе Королевского замка.

Король разрешил использовать его закрытый высокими каменными стенами двор, чтобы больше никто из горожан не пострадал. Королю тоже не нравился странный маг.

Борух явился точно в назначенный час. И тогда один из друзей атаковал его разум. Он вложил всю свою силу и погрузил Боруха в глубочайший сон. И когда Борух рухнул на землю, второй друг – мастер трансформы опустил на него гранитную скалу. Он расплавил скалу и Борух оказался внутри озера жидкого гранита. Вскоре камень остыл и уже ничего не говорило, что здесь когда-то был Борух.

Маг, постигший бессмертие.

Приятные сны отменяются. Хрюнвальду было жалко Боруха. Тот никогда не нападал первым, только защищался. И когда он наконец обрёл, что хотел, люди умудрились даже его бессмертие обернуть в «вечную гробницу». Видимо люди в массе своей везде одинаковы, в любом из миров. Глупы, трусливы и завистливы. Тьфу на них. Спокойной ночи, Хрюн!

Глава 9 «Пецилия»

Женщины в любом из миров хотят быть красивыми. Те, кому мать – природа с этим подсобила, взирают на менее удачливых товарок свысока. Те же, в свою очередь любят заявлять: «Зато мы – умные!» И отчасти это верно. Им приходится приложить намного больше ума, чтобы завоевать своего рыцаря. Если первым достаточно красивых волос, округлого бюста и длинных ног, то вторым приходится пользоваться женской мудростью и познаниями в кулинарии.

Пецилия Мартелл, к великому её сожалению, не относилась ни к тем, ни к другим. Жидкие серые волосы обрамляли узкое невыразительное лицо с довольно длинным носом. И даже обрамляли как-то вяло, неуверенно. Фигуру тоже в число достоинств внести никак не получится. Ибо фигуру эту, всякий, увидевший Пецилию обнажённой, несомненно отнёс бы к мальчику – подростку. За одним, понятным, исключением. Ни женской груди, ни осиной талии там не водилось.

С умом тоже было не всё гладко. Науки Пецилии не давались, много преподавателей сменилось в доме, но дальше чтения, правильнописания и счёта до ста продвинуться не смогли. Кулинарить благородной даме не полагалось по статусу, так что и этим Пецилия похвастаться не могла. Зато нашла себя в вышивании. Отец нанял Пецилии белошвейку для обучения, и это был единственный преподаватель, который искренне хвалил девчужку за усердие. В двенадцать лет она даже расшила тайком парадный камзол отца.

Захариус Мартелл обнаружил это лишь на ежегодном приёме во дворце короля. Когда заметил в углу хихикающих в кулачок светских дам.

Вернувшись домой, он серьёзно поговорил с дочерью. Объяснил, что Тавр – животное, для Мартеллов геральдическое, и добавлять к гербу ничего нельзя. Особенно рыцарей с цветком в зубах. И особенно нельзя усаживать их на спину Тавра. Пецилия обещала. А камзол с подмоченной репутацией Захариус отдал дочери со словами: – Теперь это мой домашний камзол, можешь вышивать, что захочешь. Я буду надевать его на твой день рождения.

Стоит ли говорить, что Пецилия украсила его весь, золотой, серебряной, и кое-где даже красной медной нитью.

Пецилия любила отца. А отец любил её. В отличие от матери. Мать винила маленькую Пецилию во всём. В том, что роды её прошли наперекосяк и роженица едва не отправилась к Создательнице. В том, что несмотря на всё старание лекарей, мать стала бесплодной и не сможет родить отцу наследника. А мать Пецилии всегда мечтала о сыне. Сильном, красивом, и чем чёрт не шутит, может даже будущим королём. Ну за что тут любить существо, перечеркнувшее все ваши мечты и планы? Да ещё такое невзрачное.

Едва дочери исполнилось четырнадцать, госпожа Мартелл начала подыскивать Пецилии жениха. К сожалению желающих заполучить юную Пецилию в свою постель, и нарожать госпоже Мартелл внуков было удручающе мало. Если конечно ноль может считаться малым количеством. Поэтому когда мать смогла найти Сибариуса, она вцепилась в него бульдожьей хваткой. Да, мальчик беден, но всё – таки благородной крови. Не конюх какой-нибудь. К приданому проявляет больше интереса, чем к невесте? Ну так что ж, по-человечески его можно понять. Зато красив, и внуки пойдут красивые, если конечно Пецилия опять всё не испортит.

Пецилия конечно тоже хотела замуж. Она прочитала много романтических романов и о безумной, всепоглощающей любви мечтала давно. Но это был явно не тот случай. В этом мезальянсе ей отводилась роль скорее предмета сделки, чем вожделения. И это было чертовски обидно.

Но, как бы то ни было, отец их благословил, дал за Пецилией сто тысяч монет «на чулки и булавки» и оплатил свадьбу. Через неделю молодожёны отбыли в имение Невиллов.

Свежеиспечённый муж предпочёл ехать верхом, поэтому Пецилия тряслась в карете одна. Тряслась от колдобин, страха перед неизвестностью и периодически от рыданий.

За ту неделю, что прошла со дня свадьбы, Сибариус так и не посетил её спальню, ссылаясь то на похмелье, то на хлопоты перед поездкой, то на усталость. И Пецилия начала бояться, что так и останется девой при живом муже. Позднее конечно всё случилось, правда особого удовольствия в первую брачную ночь она не испытала. Теперь Пецилия уже с улыбкой вспоминала себя тогдашнюю.

Сейчас Пецилия уже привязалась к Сиби. Как узник в одиночной камере привязывается к тюремщику. Душевная потребность.

Она уже почти не осуждала его за смерть дяди, короля Уго Третьего Мартелла, его жены – тёти Дафны и троюродного брата Пецилии – Хлодвига. Хлодвиг был наследником. «Ничего личного» – сказал тогда Сиби.

Она простила ему даже своё отравление. Она ведь выжила. А ему так было нужно. Он всегда умел объяснить свои поступки так, что Пецилия понимала – это вправду было необходимо. Говорить он умел. Это он убедил её выпросить у тёти Дафны приглашения на ежегодный королевский приём, Невиллов туда не приглашали.

Он уговорил Захариуса выступить на королевском совете с предложением поручить расследование этой трагедии Сиби. «Лишь он один вне подозрений, он сам пострадал, его жена при смерти. Он – человек со стороны. А командор стражи сам может оказаться заговорщиком». Как ловко Сиби потом «временно отстранил» командора и заменил своим человеком. Как он плакал над погребальным костром и обещал восстановить справедливость. Раздавал горожанам деньги – «Выпей честной народ за упокой короля!»

Престарелые советники короля сами не поняли, как в этом вихре по имени Сибариус Невилл сконцентрировались практически все королевские обязанности. Сибариус менял их местами, награждал какими-то привилегиями, подсовывал на подпись бесчисленное количество бумаг. Благодарил, снова менял местами. Одного Сиби не смог – стать королём.

Салический закон не позволял. Ни ему, ни Пецилии. Надлежало искать Бранда, младшего брата Хлодвига, или его сыновей, если такие были.

Сиби конечно искал Мартеллов, но цели преследовал намного менее благородные, чем передача трона законным наследникам.

Пецилию муж поселил в дальнем крыле королевского замка. В комнатах с видом на реку и часть порта, где всегда что-то происходило. Приходили и уходили корабли, копошились грузчики, расхаживали купцы. Пецилия любила смотреть в окно. Она поставила кресло возле окна с лучшим обзором и сидела там часами, занятая вышивкой или чтением книг.

Книги она читала запоем, предпочитая любовные романы. Там принцесс добивались белокурые рыцари, походя отрубая головы драконам и злым колдунам. Принцессой Пецилия себя ощущала, а вот любимой – нет.

Муж у неё был, казалось бы – живи, да радуйся. Даже обязанности мужчины исполнял, правда редко. Аккурат раз в месяц. В дни, благоприятные для зачатия. На ночь не оставался, уходил к себе в спальню, где ему всегда грела постель какая-нибудь из служанок. Он думал – она не знает, а она знала. Служанки болтливы и какая-то из четырёх служанок Пецилии однажды не утерпела и рассказала госпоже на ушко. Ну и пусть. От Пецилии не убудет.

Конечно, начитавшись о чужой страсти, ей тоже хотелось всё это испытать. Она ведь молодая женщина с понятными потребностями. Она даже много раз хотела завести себе любовника, из стражников например, парней крепких, молодых. Но совершенно не знала, как подойти и намекнуть. По кокетству у неё была твёрдая «двойка». Представляла себе многократно как это будет, решалась уже, но всякий раз подойдя уже к выбранному кандидату, вдруг робела, тушевалась и губы её произносили совсем не то. Видимо мать была права – Пецилия никчёмна.

С этой мыслью она, положив книгу на столик и ещё раз вздохнув, наконец заснула. Спокойной ночи, Пецилия!

Глава 10 «Новый день – новые открытия!»

Завтрак начался с вопроса:

– Господин Бодес, а сколько миров известно вашим магам?

Вопрос, как вы уже поняли, исходил от Хрюна. Бодес поморщился:

– Я уже говорил Вам, Хрюнвальд, о вреде спешки за столом. Не обижайте повара, уделите полчаса времени своему здоровью и искусству Сисилии.

Хрюн опустил голову: – Простите, мне просто мысль одна в голову пришла.

Господин Бодес взял тост и начал намазывать его паштетом.

– Мне было известно восемь. – Он покрутил ножик, зажатый между пальцев: – Но мы, маги, крайне неохотно делимся с коллегами важной информацией. Не удивлюсь, если кому-то известно о большем количестве. Уникальная информация даёт большие плюсы в конкурентной борьбе. А конкуренция среди магов очень серьёзная. Ваша Зея, например, мне была неизвестна. Хотя Хаген вероятно бывал там. Знаете как в народе говорят? «Дружба дружбой, а табачок врозь».

– И Вы бывали в этих мирах?

– Не во всех. Кое-какие места смертельно опасны даже для меня. – Бодес, видимо вспомнив что-то неприятное, передёрнул плечами.

– В тех мирах тоже говорят на одном с нами языке?

– Для меня нет языковых преград, но да, Вы правы, Хрюнвальд. Язык тот же.

Хрюн поднял вверх палец:

– Вот! Когда я оказался здесь, мне это показалось странным совпадением. Но девять миров- это уже явно не совпадение!

– Случайностей в мире намного меньше, чем Вам представляется. Многие из того, что вам лично кажется случайностью, в действительности является трудом других людей. – Бодес зевнул: – Прошу прощения, пришлось работать ночью. Я, например, предполагаю, что даже появление Барбера в Вашем доме не было случайностью.

Барбер при упоминании своего имени автоматически кивнул, уронил кусок цыплёнка себе в бороду и с ворчанием принялся выковыривать жирными пальцами следы своего конфуза.

– Мы, маги, – Бодес переменял блюдо: – считаем, что либо все миры были созданы одним творцом, либо между ними каким-то образом непрерывно идёт культурный обмен. Или оба варианта сразу. А теперь, Хрюнвальд, давайте закончим трапезу, не отвлекаясь на несовершенство мира. За завтраком мы его не изменим.

И Хрюнвальд Мартелл, наследный принц Дхар-Дастана, шестой помощник великого архивариуса, путешественник в места, в которые Макар телят не гонял, и естествоиспытатель, вздохнув, склонил голову к тарелке.

Когда на изысканных тарелках стало проглядывать дно, Бодес заговорил сам:

– Теперь о деле. Вы оба хотите встретиться с Хагеном. К сожалению я не могу предсказать, где он будет. Для меня самого это тайна. Он телепортируется по всему миру. Поэтому от моих глаз и ушей тут мало проку. У меня для вас будет поручение. Вы должны передать ему письмо. Содержание его вам знать не следует, за исключением абзаца с моей просьбой изготовить для Барбера новый универсальный портал, и выслушать просьбу Хрюнвальда, в чём бы она не заключалась. Согласны?

Закивали наши компаньоны синхронно. Господин Бодес тоже кивнул в ответ, не удержался.

– Тогда так. Последнее место, где я смог его увидеть, это Дхар-Дастан. Сомневаюсь, что он до сих пор там, но начинать нужно оттуда. Вариантов нет. Вот только отправляться туда в таком виде не стоит. Я сейчас Вас, Хрюнвальд имею в виду. Ваша одежда категорически не позволит вам остаться незамеченным. Барбер, отправляйтесь в деревню и купите ему какую-нибудь одежду. Вот такую как у Вас, или что там у молодёжи принято....

Тут автор должен попросить прощения, поскольку до сей поры не удосужился описать одежду компаньонов. Но наши герои развили такую бурную деятельность, что автору и словато было вставить некуда.

«На Барбере вы видите комплект от модного кутюрье всего за 99.99», «Хрюнвальд щеголяет в новенькой архивной форме сезона весна-лето». Не пугайтесь, автор просто шутит.

Но Барбер действительно был одет весьма неплохо.

Тонкой материи нежно-зелёная рубашка под песочного цвета жилетом мягкой свиной кожи была заправлена в, шоколадного цвета, свободные штаны. Удерживались штаны на своём месте широким чёрным кожаным ремнём с серебряной бляхой. На ногах у него были короткие черные сапоги гармошкой.

В таком виде он мог быть принят и в приличном обществе, и в не очень приличном, и среди совсем так себе публики. Так мог одеваться капитан корабля, хозяин мастерской или троюродный сын малоземельного барона. Одним словом это был облик человека, при котором нет нужды всё время держаться рукой за кошелёк.

Хрюнвальд был одет намного более скучно. Двубортный форменный китель сине-фиолетового оттенка, форменные же брюки, белая рубашка и чёрные ботинки на шнурках. Единственное, что хоть как-то разбавляло сие безрадостное зрелище – пуговицы на кителе. Четыре до блеска отполированных медных пуговицы с эмблемой архива, «Книга и печать».

Но вернёмся к нашим баранам, точнее к героям.

– А что не так с моей одеждой? – с некоторым изумлением возразил Хрюн. Правда вполголоса. До сей поры он не задумывался о соответствии своего внешнего вида с окружающим миром. Прямо как-то неловко стало. – Что изменить?

– Всё, молодой человек. Начнём с того, что ваш китель того же цвета, что и форма городской стражи Дхар-Дастана. Это запрещено законом. Во-вторых, Ваши пуговицы в течение получаса спровоцируют чернь проломить Вам Вашу светлую голову, а уже упомянутую городскую стражу задержать Вас, с целью выяснения личности. Чего мы всеми силами хотели бы избежать. Во всяком случае пока.

– А можно мне пойти с Барбером? Но хоть одежду выбрать, померять опять же....

– Нет. Мне нужно Вас проинструктировать. Это займёт время. Он один справится не хуже. В деревенской лавке нет особого разнообразия.

– Мне бы денег, Всевидящий! – пробасил Барбер. – Я пустой, а принцев одевать недёшево!

– На какую сумму Вы одеты, Барбер?

Здоровяк почесал затылок.

– Монет на пятьдесят.

– Фрам, принеси господину Барберу тридцать крон. Всё, ступайте. А Вы, юный Хрюнвальд, следуйте за мной. – Маг поднялся.

Хрюнвальд встал:

– Барбер, только не покупай мне коричневые штаны, как у тебя. Умоляю.

Инструктаж о том, как себя вести в каком окружении, что делать при общении со стражей, и ещё о сотне небольших, но важных мелочей, закончился через несколько часов прибытием Барбера. Выпившего и с бумажными свёртками.

Хрюн был отпущен в свою комнату, откуда до Бодеса вскоре донёлся вопль: – «Ааа, Барбер, почему они **КОРИЧНЕВЫЕ???????**»

Маг улыбнулся, что случилось с ним нечасто.

Глава 11 «Бальзамир»

В юности своей, лет сто пятьдесят назад, Бальзамир был хорошим мальчиком. Да и кто из нас рождается негодяем? Все дети чудесны. Но дальнейшую их жизнь определяет ситуация, в которой им довелось родиться. Дети богатых родителей растут в совершенно других условиях, нежели дети нищих. Их не учат резать карманы на улице, их обучают совершенно другим вещам. Например управлять нищими.

Бальзамир рос если не в нищете, то в бедности. Отца у него не было, и тянула его одна мать, работавшая белошвейкой. О чём другие дети в школе не забывали ему напомнить по нескольку раз в день. Можно подумать своего отца они в лотерею вытянули, а маленький Бальзамир просто не тот билет купил. Неудачник. Немудрено, что он стал сторониться людей в целом и сверстников в частности. Ну да дело прошлое. Они все уже мертвы.

Перемены случились с ним, когда он влюбился в соседскую девушку. Самира была чудом. Она была на два года старше, черноволоса, кареглаза, прозрачна и хрупка, как фарфор. Причину её «хрупкости» Зяма (так мать звала юного Бальзамира. А больше его никто, никогда и никуда не звал.) узнал позже. Она была больна. Чахоткой. И жить ей оставалось лет пять, самое большее. Самира прогоняла его, может не хотела, чтобы он тоже заразился, может не хотела подарить парню надежду на несбыточное. А Зяма проводил всё свободное время у её забора, надеясь лишний раз увидеть её. И через какое-то время Самира сдалась. Родители отпускали её, и они подолгу сидели на берегу реки, болтая ни о чём и обо всём сразу. Они всегда смотрели закат и потом он провожал её домой, сдавая с рук на руки матушке. Он был счастлив, но.....

Зяма был прагматичным уже в детстве. Он хотел получить Самиру на всю жизнь. Он не хотел, чтобы она умерла. И если лекари опускают руки, нужно обратиться к волшебникам. Волшебники могут всё. Они спасут её. В этом Зяма был уверен. И он, худенький подросток, стал искать волшебника, который сможет исцелить Самиру. Но либо найденные им маги не занимались подобным, либо вариант «бесплатно» ими не рассматривался в принципе, а Зяма неизменно получал отказ. И когда он узнал, что в Дхар-Дастан с визитом пожаловал известный шамарский волшебник Хубал, Оживляющий Мёртвых, решил добиться от него желаемого во что бы то ни стало. Или стать его учеником, выучиться, и самому вылечить ненаглядную Самиру. Конечно юный Бальзамир знал, что маги редко берут себе в ученики бедняков.

Потому что во-первых, они станут использовать магию для собственного обогащения. (И это правда.), во-вторых, магии нужно посвящать себя полностью, не отвлекаясь на зарабатывание хлеба для семьи. (Или смотри пункт первый.)

Бальзамир подкараулил Хубала у входа в таверну и вывалил ему свою проблему, мало заботясь о принятых обществом церемониях при первом знакомстве. Вполне ожидаемо маг отказал. Тогда Бальзамир предложил себя в ученики Хубалу, чтобы самому решить проблему. Маг лишь улыбнулся, глядя на скромную одежду настырного юноши.

Тогда Зяма привёл к таверне Самиру. И предложил Хубалу отказать снова, глядя ей в глаза.

Девушка была прекрасна, как увядающий цветок. И как запах от цветка, от неё исходило острое ощущение утекающих мгновений.

Хубал задумался. А потом предложил Бальзамиру сделку. Тот поступит к Хубалу на службу на десять лет. Хубал будет учить Зяму как вылечить девушку, и раз в полгода будет отпускать его на месяц в Дхар-Дастан. И в качестве доброго жеста на первые полгода он даст девушке облегчение сам. Зяма согласился, не промедлив и секунды.

Двадцать встреч. Двадцать месяцев счастья. Разделённые чёрной работой у Хубала и учением у него же. Хубал был жесток. За каждую ошибку он бил Бальзамира бамбуковой палкой с металлическими кольцами на концах. Хотя и стоит отдать должное, ошибался Бальзамир редко. Зелья выходили у него не хуже, чем у самого Хубала, да и мёртвых оживлять оказалось несложно. Одиночество тоже мало тяготило, за одним, понятным, исключением. Его злило, что Хубал учил его только тому, что было необходимо самому магу. О лечении Самире с Хубалом вообще говорить не стоило, если конечно не соскучился по окованному бамбуку. За день до отъезда Хубал обычно давал указания, что делать с Самирой. Как правило одни и те же.

Но даже реки когда-то пересыхают, десять лет пролетели.

И как-то утром Хубал сказал :

– Ты свободен! Можешь идти на все четыре стороны.

И вышел из лаборатории. И всё. Все проводы. Даже обидно как-то, по-человечески. Хоть бы «спасибо» сказал за десять лет работы на него.

Бальзамир вернулся домой. К Самире. И дальше жизнь пошла по накатанной. Они поженились.

Самира занялась бытом, а Зяма стал зарабатывать, как умел. Но поскольку магия его была весьма специфической, клиентов было не много. Благо труд магов оплачивался очень достойно, и с трёх, четырёх заказов в год можно было, пусть и скромно, но кормить семью.

И ещё ему пришлось дать Самире обещание, что больше никакой магии в их жизни не будет. Совсем. Она была против даже излюбленной процедуры всех женщин- «Омоложения кожи».

Зяме казалось это нелогичным. Зачем отказываться от того, что тебе доступно. Не раз и не два пытался он завести этот разговор, пока однажды Самира не усадила его мягко, она вообще была мягкой и плавной, напротив себя и, взяв его руку в свою, не произнесла:

– Пойми, Зямочка, мне не нужно всё это! У этой магии всегда есть обратная сторона. Если я не стану омолаживаться, ты разлюбишь меня?

– Нет конечно! – она положила палец ему на губы.

– А если я омоложусь, ты станешь любить меня по-другому? – Нет! – Тогда зачем? Для зависти подруг? Зависть у них появится, это правда. Но потом у меня исчезнут подруги. Любимый, я очень ценю то, что ты сделал для моего выживания, но выживание и жизнь- разные вещи. Позволь мне прожить мою человеческую жизнь, как я её себе вижу.

– Но....

– Молчи. Я понимаю, что ты зарабатываешь этим. Это необходимость. Но прошу тебя, чтобы в наш дом это не проникало. Сделай себе лабораторию где-нибудь, ходи туда как прочие люди ходят на работу, и приходи в наш дом, оставив работу за порогом. Обещай мне это, и я обещаю тебе, что всё то время, что мне отведено, я посвящу тебе!

Вы бы не согласились? Вот и Бальзамир согласился. Сто раз себя потом корил за это, но поперёк характера Самире идти не хотел. Она никогда не говорила сгоряча, всегда обдуманно, но если приняла решение- сдвинуть её было невозможно. Может в том числе за это он её и любил.

И когда она умирала, в возрасте восьмидесяти восьми лет, тоже любил. Он понял тогда, что жить без неё не сможет. А ещё понял, что теперь магия не вмешается в их жизнь, только в смерть.

Он решил опробовать своё новое изобретение – «возвращение к жизни». Он много лет пытался понять, почему поднятые мертвецы остаются мёртвыми телом. Почему они двигаясь и мысля, продолжают разлагаться и хватает их на пару-тройку месяцев. И предположил, что

неверные действия дают неверный результат. Нужно оживлять не плоть, а душу. Ту искорку, которая отделяет живое от неживого.

Но магия – не точная наука. Люди только-только прикоснулись к её краешку, зачастую не понимая происходящих процессов, и удачные эксперименты потом просто слепо копировались, а неудачные и сегодня напоминают нам о смелых волшебниках холмиками на погосте.

Вероятно Бальзамир не учёл какой-то переменной, а может и просто не знал о её существовании, но заклинание не проникло в мёртвое тело Самиры, а отразилось от него в «Зямочку».

Если вам интересно, что с ним случилось дальше, то он не умер. Если бы он умер, вряд ли Барбер смог бы украсть у него компас. Он упал замертво, это было. А придя в себя, обнаружил в этом самом «себе» много нового. Жизнедеятельность его организма замедлилась дальше некуда.

Два удара сердца в день. А вдох – выдох стали настолько незаметны, размазавшись по времени, что их можно было вовсе не брать в расчёт. Цвет кожи стал серым, о румянце можно было забыть.

Но он был жив. И даже подсчитал, что при таком развитии событий и его профессии, он проживёт около восемнадцати тысяч лет. Ну если конечно его снова не потянет экспериментировать. Мозг замедлился всего на четверть, что было странно, учитывая физиологическую потребность этого органа в кровотоке и кислороде. Но видимо не все участки мозга были согласны с данным утверждением.

«Жизнь» продолжалась.

Глава 12 «Явление Уважаемого Ахмеда народу»

Люди тянутся к новому. Они любят посещать новые места, пробовать новые блюда, покупать новые вещи. Но при этом люди очень боятся потерять старое. Поэтому они никогда не поедут смотреть новые места, если не будут твёрдо уверены, что смогут вернуться в свой любимый старый дом. К своим, идеально разношенным по ноге, туфлям и креслу, давно принявшему форму задницы хозяина. Если у человека отобрать всё старое, и дать ему взамен всё новое, даже стократ лучшее, человек будет недоволен. Человеку нужно время, чтобы врасти в новое окружение. «Разносить» новую одежду, новые улицы, новых друзей.

Но Хрюн был молод. И позади у него намного меньше, чем впереди. Он хотел вернуться в Малоран. Но не сейчас. Ведь может у него быть нечаянный отпущек?

Да, он переживал, что может потерять работу в Архиве, если не представит справку о причине отсутствия. Переживал о том, что не погасил дома свет, перед тем, как схватиться за кувшин. Но все эти тревоги казались такими незначительными по сравнению с тем приключением, в которое его случайно втравил Барбер. Более того. Оказалось, что это место и есть настоящий дом для Хрюнвальда Мартелла.

Странность этого совпадения Хрюн собирался выяснить досконально. Но позже.

Сейчас он лежал в своей спальне в башне господина Бодеса и смотрел в потолок.

Он составлял план дня. В него было необходимо впихнуть несколько заходов в библиотеку, три приёма пищи, по возможности долгую беседу с живым волшебником, и хотя бы полчаса выделить на Барбера. И ещё он хотел обойти окрестности и залезть на самый верх башни, если хозяин позволит, и ещё и ещё.....

А ещё он услышал в коридоре звуки. Торопливые шаги и громкое перешёптывание знакомых голосов. Еноты куда-то спешили. Хрюн прислушался.

– Ты говорил, что будет жирафа. Я помню. – это был голос Филлис.

– А ты ставила на орла. Ну понятно ведь уже, что не птица, – пыхтел в ответ Фрам: – если только это не гигантский страус.

Их голоса затихли на лестнице.

Новая загадка магнитом вытянула Хрюна из кровати.

Енотов Хрюн обнаружил несколькими этажами выше. Они что-то высматривали в открытое окно, причём Фрам даже воспользовался какой-то трубой.

– Доброе утро! – поздоровался Хрюн.

– Здрасьте. – отозвался Фрам, не отрываясь от оптического прибора: – Филлис, по-моему это слон!

– Доброе утро, господин Мартелл. – Филлис изобразила некое подобие книксена: – Уважаемый господин Ахмед прибывает. А мы еще в прошлом году поспорили с Фрамом, на что это будет похоже.

– А на что это было похоже в прошлом году?

– На огромную сколопендру. Такую страшную жуть, бррр. – Филлис передёрнуло.

Хрюн чувствовал, что до сих пор не ухватил нить разговора: – Уважаемый господин Ахмед был большой сколопендрой?

По дружному хохоту енотов, похожему на криканье, Хрюн понял, что Уважаемый Ахмед скорее всего не был большой сколопендрой.

– Фрам, расскажи. – Филлис ткнула в бок брата. Но Фрам не успел.

– Мой Уважаемый друг не строит башен! – раздался голос из-за спины Хрюна. Голос Клода Бодеса: – Он любит путешествовать, поэтому свой дом всегда берёт с собой. Точнее путешествует, не выходя из дома. Сегодня его дом передвигается на четырёх ногах. Фрам, уступи приближательную трубу гостю.

Фрам тут же протянул Хрюну трубу и указал лапкой направление.

То, что увидел юный Мартелл, было похоже на иллюстрацию из сказки. Вдоль границы леса шла тропа. И по этой тропе вышагивал гигантский слон. Голова его доходила до верхушек двадцатиметровых деревьев. На спине слон вёз дом. Нет, не так. Дом, естественным образом, рос из спины слона. Хотя, с той же уверенностью можно было бы заявить, что это дом отрастил под собой слоновьи ноги и ушастую голову с пятиметровыми бивнями. Над головой слона нависал полукруглый балкон с цветастым тканевым козырьком – шатром. На балконе сидел Уважаемый Ахмед. Он курил кальян.

Одет хозяин передвижного дома был весьма своеобразно. Пожалуй даже экстравагантно.

Основой композиции был халат, напоминающий лоскутное одеяло. Трудно выдумать цвет, которому не нашлось бы уже место на халате Уважаемого Ахмеда. Заплатки эти, впрочем, отличались не только цветом, но и размером, и самой текстурой. Серые холщовые кусочки произвольно перемежались с синими бархатными и алыми парчовыми. Кое-где виднелись части вышивки. На голове Уважаемого Ахмеда был не менее цветастый тюрбан. Ткани тюрбана, правда, были одинаково хлопковыми. Какую обувь носил этот странный человек, Хрюн выяснить не смог, волшебник был бос.

Лицо Уважаемого Ахмеда, покачивающееся в такт размеренной поступи слона, показалось даже знакомым, столько подобных лиц приходилось Хрюнвальду встречать среди посетителей архива. То было лицо типичного дедушки, лет семидесяти навскидку, длинная белоснежная борода обрамляла морщины на слегка смуглом лице и поднималась по верхней губе к довольно крупному носу с чёткой горбинкой. Но глаза были совсем не стариковскими. В них совсем не было этой мутной прозрачности, присущей людям на излёте жизни. Глаза Уважаемого Ахмеда были блестящими, улыбающимися, с чёрными зрачками. Самые крупные морщины разместились как раз по углам глаз, образуя гусиные лапки, какие бывают только у чрезвычайно жизнерадостных, и всегда улыбающихся, людей.

– Пойдёмте встречать дорогого гостя! – голос Бодеса заставил Хрюна оторваться от приближительной трубы.

– Да, хозяин! – конец этой фразы еноты произнесли уже на лестнице.

– Как я по вам соскучился, дорогие мои! – Воскликнул Ахмед, как только хобот слона бережно опустил его на землю: – Здравствуй, старый друг!

И Ахмед с Бодесом обнялись.

– Здравствуй, дорогой Ахмед! Приятной ли была дорога?

– Весьма приятной, благодарю. Ты знаешь, походка слона настолько усыпляюще действует, что половину пути я просто продремал. – Уважаемый Ахмед улыбался. Он посмотрел за спину господина Бодеса, где стояли еноты: – Здравствуйте, мои маленькие пушистые помощники!

– Здравствуйте, уважаемый господин Ахмед! – наперебой затараторили еноты: – А Чувик с Вами?

– Ну конечно, Куда я без него? – Уважаемый Ахмед обернулся в четвероногому дому: – Чувик, тут по тебе ребята соскучились. И захвати гостинцы!

Чувик, или Чувиар, был разумным лемуром с далёких островов. Разумным от природы, а не благодаря труду Клода Бодеса, как в случае с Филлис и её братьями. Племя его почти истребили невесть как попавшие на эти острова змеи. Вегетарианцы – лемуры были напрочь лишены агрессивности, и постоять за себя не могли. Их храбрости хватало только на то, чтобы завидев змею, впасть в ступор, притворившись мёртвыми, да ещё подпустив газу при этом.

Видимо имитируя запах разложения. Впрочем это им совсем не помогало. Как и бегство на верхушки деревьев. Змеи оказались превосходными древолазами и, имея в наличии такую большую и бестолковую кормовую базу, принялись ударно откладывать яйца. Через несколько лет, когда от племени уже оставалось чуть более сотни лемуров, к острову причалил корабль. Корабль был торговым. Хозяин корабля – купец с огромным пузом, увидев забавно прыгающих боком животных, велел матросам отловить несколько особей, на продажу. Чувик оказался в числе пойманных. Уважаемый Ахмед выкупил его, оказавшись по случаю на рынке в Мас-саре, где стояла клетка с маленьким тогда Чувиаром. Он ещё не знал тогда, что Чувик разумен. Просто пожалел этот грязный комочек, сжавшийся в углу. Позже, отмыв лемура и накормив фруктами, Уважаемый Ахмед покачал головой и задумчиво произнёс: – Где ж твоя родина, диковинный зверёк?

И тут же перед глазами Уважаемого Ахмеда возник зелёный остров. Чувиар был телепатом. Их племя общалось между собой мыслеобразами. Читать мысли они могли на любом языке, если мысль подкреплялась картинкой.

С тех пор минуло много лет. Сейчас Чувик уже вырос аж по пояс своему благодетелю, выучил человеческую речь и мог понимать и передавать слова. Но развитием он остановился на уровне десятилетнего ребёнка. Счёт смог освоить только до двадцати, по количеству пальцев, видимо математика, как наука абстрактная, не имела приемлемых образов для восприятия.

Нрав Чувик имел кроткий, застенчивый, поэтому немудрено, что еноты в нём души не чаяли и немедленно принимались опекать его в каждый приезд. Селеста тоже не могла устоять, чтобы не всунуть в лапку Чувика какую-нибудь печеньку.

Всё это Хрюн узнал вечером от енотов. А сейчас он стоял и смотрел на невиданное прежде чёрно-белое существо, ловко сбегующее вниз по хоботу. Подмышкой у него висела сумка, которую Чувиар прижимал к себе одной лапкой, и балансируя на бегу второй и длинным полосатым хвостом.

– Ахмед, позволь представить тебе Хрюнвальда Мартелла, сына Бранда. – Господин Бодес мягко повёл рукой в сторону Хрюна.

Уважаемый Ахмед проследил путь руки Бодеса, поднял глаза к лицу Хрюнвальда и замер.

– Великие небеса! Сын Бранда. – Ахмед подошёл, и взявши Хрюнвальда за плечи, стал рассматривать, после чего обнял и спросил: – А что сам Бранд? Где он?

Взгляда он от Хрюна не отвёл, из чего следовало, что вопрос адресован ему.

– Отец умер много лет назад. – И Хрюн снова почувствовал ком в горле.

– Печальная новость. Хороший был мальчик. – Уважаемый Ахмед покачал головой: – Звал меня «дядя Ахмед», – он улыбнулся, но улыбка вышла грустной: – Ты можешь звать меня так же, Хрюнвальд.

– Хорошо, Уважаемый дядя Ахмед!

Все вокруг заулыбались.

– Ладно, пойдёмте к столу.

За столом Бодес представил своему другу Барбера, который уже сидел там, как «спутника юного Мартелла». Барбер в ответ только хмыкнул и кивнул. То ли соглашаясь с эпитетом, то ли здороваясь с магом. В незнакомых ситуациях он был либо немногословным, что случалось довольно редко, предпочитая поначалу слушать и делать выводы, либо напористым и наглым. Тогда в основном говорил он. В башне Бодеса у него был в распоряжении только первый вариант, поскольку роль доминирующего самца была уже занята хозяином. И оспаривать её Барбер не собирался. Поэтому он расслабился и на протяжении всей трапезы изучал диковинный лоскутный халат Уважаемого Ахмеда.

Пока подавали основные блюда, в чём Чувик в полной мере помогал Селесте и енотам, заботясь впрочем исключительно о своём хозяине, разговор был светским. Когда вежливая

игра в слова «о здоровье и погоде» была закончена, подали десерт. И только тогда Уважаемый Ахмед напрямую обратился к Мартеллу.

– Позволено ли будет простому магу поинтересоваться здоровьем остальных членов вашей семьи, юный Мартелл? – Слова ещё были светскими, но тон уже дружеским, доверительным.

– Я не знаю других своих родственников, Уважаемый...., простите, дядя Ахмед. Я знал только отца и мать. Но они оба уже ушли из жизни, так что об их здоровье я Вам вряд ли могу что-то сообщить.

Ни братьев, ни сестёр у меня тоже нет. Отец умер очень рано. – Хрюн понимал, что этот разговор необходим, но слишком часто он за последние дни ковырял эту коросту. Кровь всё-таки проступила.

– Прости, мой мальчик, я не хотел огорчить тебя. – Кажется Ахмед сам расстроился, что задал неприятный вопрос: – А как ты попал к моему другу Бодесу? И где ваша семья скрывалась до этого, если мне дозволено будет спросить?

Хрюнвальд уложил всю историю в две минуты. Поскольку это был явно не последний раз, когда ему придётся давать ответ на данный вопрос, Хрюн собирался в дальнейшем сократить рассказ секунд до сорока.

Уважаемый Ахмед молчал. Молчал и господин Бодес. Хрюнвальд заподозрил, что у магов сейчас идёт какой-то бессловесный диалог. И как обычно бывает в жизни, худшие подозрения сбываются в большинстве случаев. В чём Хрюн тут же убедился в очередной раз.

– Мой уважаемый друг Клод поведал мне, что ты, мой мальчик, не собираешься возвращать себе трон. – Наконец заговорил Уважаемый Ахмед: – С чем связана причина такого странного решения?

Хрюн собрался с мыслями. А действительно с чем? Ведь не передашь словами те миллионы мелких страхов, которые неотступно следуют за ним. Формулировать нужно ёмко и лаконично, даже если ты не король, а архивная крыса. Ёмко. Лаконично. По существу.

– Дядя Ахмед, я могу говорить начистоту? – И дождавшись ответного кивка мага, продолжил: – Этот мир – такой же, как и любой другой, населённый людьми. И у королей те же обязанности. Они должны отправлять под топор палача других людей – преступников, жертв судебных ошибок или просто недовольных властью. Короли становятся убийцами по необходимости.

А иногда короли ввязываются в войну. С этим тоже ничего не поделаешь. Даже если король замечательный, на него всегда могут напасть. И на войне королю придётся убивать уже десятками тысяч. И отправлять на смерть своих подданных в таком же количестве. Корона обязывает.

А я не хочу убивать! Ни своих, ни чужих. Не хочу! Могу понять, если в целях самообороны убить грабителя, который сам стремится отнять твою жизнь в переулке, но так....

Не хочу поднимать налоги простым жителям, наблюдать их страх в глазах при виде тебя. И всё время жить в опасении за свою жизнь, подозревая даже своих друзей и приближённых в заговорах. А в качестве компенсации за всё это, король сможет кушать чуть вкуснее и спать чуть помягче.

Я не тщеславен, не властолюбец. Моя сегодняшняя еда и постель меня вполне устраивают. Зато буду знать, что мои друзья – это именно мои друзья. – Хрюн отхлебнул вина: – Жаль, что я не смогу просто остаться здесь. Тут у меня друзей появилось больше, чем было в Малоране. Но господин Бодес меня «обрадовал», что все Мартеллы здесь имеют высокий

шанс попасть на плаху вне очереди. Ни убивать, ни умирать я не хочу. Вот такой отчётный баланс. Поэтому – Малоран.

Я смог донести до Вас свою мысль, дядя Ахмед?

Похоже своим признанием Хрюн погрузил в размышления сразу трёх мужчин. И, возможно, нескольких животных.

Барбер вообще сидел с открытым ртом. Похоже, его планы о карьерном взлёте вдруг затрещали по швам.

Маги внешне остались беспристрастными. Как всегда. Уважаемый Ахмед продолжал смотреть на Хрюна, словно ожидая возможного продолжения. Хотя вполне вероятно он опять вёл беззвучный диалог с господином Бодесом, который в данный момент внимательно изучал бокал с вином в своей правой руке.

Глубокая мысль, дорогой Хрюнвальд! – наконец сказал господин Ахмед.– Но позволь мне заметить, что решения короля также и спасают тысячи жизней. И если король не любит свой народ, люди вымирают от голода, болезней и да, от войн. Народу нужен отец. Какими были все твои предки. Я ведь был знаком со всеми, начиная с Уго Великого. И сделать так, чтобы государство процветало и войн не случилось – есть главная забота короля. Ты не согласен со мной, мальчик?

А Барбер уже смотрел на господина Ахмеда восхищёнными глазами. Безнадёжно проигранная партия одним грамотным ходом снова обрела шанс на победу.

Хрюн закачал головой, не зная что сказать.

– Подумай, мой мальчик. Тебя никто не торопит. Но от твоего решения будет зависеть судьба, счастливая или нет, нескольких поколений дастанцев. Тебе решать, как повернётся их жизнь. Даже если ты сбежишь, всё что произойдёт с ними дальше – будет последствием твоего решения. Или нерешительности! – Господин Ахмед встал: – Клод, твои кресла у камина всё такие же мягкие? – И не дожидаясь ответа двинулся к огню. Хрюну показалось, что даже на его цветастой спине читалось огорчение от услышанного. Хотя может ему это действительно просто показалось.

Два кресла от дальнего камина тут же оторвались от пола и достигли нужного места быстрее, чем Уважаемый Ахмед.

Клод Бодес встал и жестом пригласил остальных присоединиться. Енотам не потребовалось даже жеста. Они уже катили к огню столики с напитками и курительными принадлежностями.

«Разбогатею, заведу себе таких же енотов!» – подумал Барбер, наблюдая за ними.

«Не советую» – прозвучал у него в голове голос господина Бодеса. – «Довольно хулиганистые животные. Я потратил много времени, чтобы заложить в них хотя бы основы воспитания и этикета. Вам, Барбер, они мгновенно сядут на голову!»

«Чёрт побери. И давно?»

«Пару минут. Мне стало интересно, как Вы отреагируете на слова юного Мартелла.»

«И как я отреагировал?»

«Как и ожидалось. Без сюрпризов. Но довольно»

Глава 13 «О теологии и восточном гостеприимстве»

Господин Бодес предложил гостям присаживаться и выбирать напитки.

– Как бывает приятно сидеть в кругу друзей перед камином.– Уважаемый Ахмед произнёс это так смачно, что у всех остальных собравшихся тут же появилось ощущение этой приятности, редкости и уютности ситуации.

– Хрюнвальд, расскажи нам про свой Малоран. Как там жилось вашей семье, не знали ли нужды в чём-то? Я понимаю, что мой друг Клод наверно уже замучил тебя расспросами об этом.

– Ну можно и так сказать. Отчасти. – Хрюнвальд, который в своей обычной жизни предпочитал пиво, порядком захмелел от выпитого за обедом вина, как только его усадили перед камином. Исходящее от камина тепло словно превращало в пластилин сидящих рядом, и уже не было у этого пластилина никаких острых углов. Только уют и спокойствие.

– Клод, дорогой, ты что, прочитал мальчика вплоть до испачканных пелёнок? – Ахмед посмотрел на Клода Бодеса с осуждением, но через секунду улыбнулся: – Узнаю тебя, старый пройдоха.

– Я сам разрешил! – Хрюн посчитал своим долгом вступить за Бодеса. – Но расскажу. – Темп речи у него ощутимо замедлился. Даже появилась мысль отодвинуться немного от камина. Чуть позже.

– Малоран, довольно крупное государство. Семь городов и собственно столица. Я там работал в городском архиве. Но, вообще конечно, государство донельзя бюрократическое. Власть отдельно, народ отдельно. А ещё есть церковь! Третья сторона. – Хрюн смотрел, как аппетитно Бодес дымит трубкой и размышлял, не стоит ли научиться курить.

– Церковь? – похоже Хрюнвальду удалось удивить Уважаемого Ахмеда. – Что такое церковь?

Вопрос оказался непрост. Архивист задумался. – Ну вот у вас верят в Создателя?

– В кого? – Уважаемый Ахмед был озадачен: – Кто такой Создатель и зачем в него верить?

– Ну бог.... Сверхъестественное существо. Может превращать воду в вино и оживлять мёртвых.

– Вот так? – Ахмед коснулся кончиком ногтя хрустального кувшина с водой для разбавления напитков, и вода мгновенно стала бордовой.

– Ммм. Да. И мёртвых. – Хрюн начал подозревать, что объяснение затянется.

– Ну с этим тоже проблем нет. Я конечно могу умертвить кого-нибудь, и оживить, но не испытываю желаний. И что там с вашим Создателем? Зачем в него верить? Он существует или нет?

– Это неизвестно. – Хрюну самому стало неловко, словно это он придумал бога и теперь его придумка не проходит проверки.

– Если он существует, то это не вера, а знание! Если он не существует – зачем в него верить? Это же глупость! – Уважаемый Ахмед озадачился ещё больше. – У вас есть какие-то доказательства его существования?

– Нет.

– А кто вам вообще про него рассказал? Что он наверно есть и в него нужно верить?

– Церковь. Священники.

– Подозреваю, что не бескорыстно?

– Ну они не бедствуют, скажем так.

Ахмед снова звякнул кончиком ногтя по кувшину и тот обратно стал прозрачным.

Вдруг Хрюн почувствовал какой-то лёгкий укол обиды. Конечно Уважаемый Ахмед был прав. Но мать Хрюна успела уверовать в этого бога, кем бы он ни был.

– А еще Создатель велит людям жить по совести. Через священников. Иначе они в ад попадут, где их будут черти жарить в геенне огненной.

– А люди сами не могут жить по совести?

Хрюнвальд задумался. А ведь действительно.....

– Могут наверно.

– Тогда зачем им бог? Вином их поить и умереть не дать? – Уважаемый Ахмед снова задал вопрос, на который у Хрюна не было запасённого ответа.

– Не знаю. Вероятно.

– Ну тут всё понятно. Мы снова вернулись к корысти. Корыстные мотивы – самые простые и очевидные. А люди – всегда люди. К сожалению. Они вас там не обижали, священники эти? – и получив отрицательный ответ, констатировал: – Тогда пустое. Если эта тема Вам интересна, мы вернёмся к ней чуть позже. Уважаемый Барбер, чем Вас так заинтересовал мой халат?

Барбер поперхнулся. Ему-то казалось, что он совершенно незаметно изучает то лоскутное одеяло, которое Уважаемый Ахмед, вероятно по причине плохого зрения, называет халатом.

– Я, ммм, опасаясь нарваться на непонимание.....

– Не бойтесь, говорите, – подбодрил его старый маг.– Где ещё услышишь правду, как не в кругу друзей.

– Маги – люди небедные. Не сказать больше. Но Ваш, я дико извиняюсь, халат... – Барбер стушевался, ибо любое продолжение фразы могло оскорбить Ахмеда. А оскорблять Уважаемого Ахмеда Барбер в своей жизни не планировал вовсе.

– Я понял. – Маг улыбнулся.– Но прожив пару-тройку веков, перестаёшь обращать внимание на модные тенденции. Мой халат – это моя память. Вот этот кусок, – Ахмед ласково потрепал лоскут из бардового бархата: – от того халата, в котором я впервые стал придворным магом у себя на родине. А вот в этом, – он указал на тёмно-синюю заплату: – я впервые встретил своего друга Клода, у камина которого сейчас грею свои косточки. Мой халат не даёт мне забыть, кто я есть!

Ахмед встал. – Господа предлагаю прогуляться. Нужно растряситься немного. Я знаете, в путешествиях больше статичен, того и гляди сделаю себе шагающее кресло, чтобы и по дому меня возило.

Шутка зашла. Все заулыбались.

– А потом приглашаю всех желающих ко мне в гости, на борт слона. Я специально выбрал эту форму, чтобы еноты в обморок не падали, как в мой прошлый приезд!

Фрам потупил взор.

Когда все вышли из башни, небо уже начало перекрашивать себя из голубого в тёмно-серый. Процесс шёл постепенно, на общем сером фоне ещё проскакивали синие перья, понемногу съедаемые тёмными облаками. Обойдя башню неспешным, «растрясательным» шагом, они вернулись к входу.

Бодес в приглашающем жесте повёл рукой в сторону «слонодома» и трава мгновенно пригнулась в нужном направлении, образовав тропинку шириной в метр. Прочая трава стояла, образовав некий бордюр.

– Клод, родной, ты опять решил поиграть в эту игру? – Ахмед рассмеялся и морщины вокруг его глаз приняли любимое их положение – гусиными лапками. – Тогда так! – он взмахнул рукой.

Воздух впереди сгустился. Сконцентрировался до той степени, что стал виден. И образовал облачка, выстроившиеся низенькими ступеньками, аккуратно восходившими к голове слона – жилища.

Маги, похоже, откровенно потешались над людьми, впервые соприкоснувшимися с магией. Барбер, впрочем, завис только на секунду, потом ступил на эту лестницу и зашагал, как ни в чём ни бывало. Хрюнвальд до сей поры по воздуху ни разу не ходивший, сомневался дольше. Потыкал носком сапога нижнюю ступеньку, перенёс на неё вес, но увидев спину Барбера перед собой, осмелел, и поднялся вместе со всеми.

Уважаемый Ахмед провёл их в большую круглую комнату, в центре которой в полуметре от пола парил ковёр. Ахмед тут же сел на него и повёл рукой в направлении стены. Стена, переходящая в пол и, так же как и пол, покрытая слоновьей кожей, начала изгибаться и образовала полукруглое сидение, персон на двенадцать. Ахмед медленно упустил руку с растопыренными пальцами, став похожим на великого пианиста, и в появившейся скамье образовалось пять аккуратных выемок для сидалищ.

– Прошу вас, дорогие мои! Чувик сейчас подаст фрукты и прочее.

Бодес, к удивлению всех, сел на дальнее место. Хрюнвальд, по размышлению, сел посередине.

Барбер, взглянув на расклад, брякнулся рядом с Хрюном, оставив пустое кресло между ними и господином Бодесом.

– Давайте вернёмся к Вашему вопросу, мой мальчик! Раз уж Вам так не терпится. – Начал уважаемый маг: – Поклонение богам – тема сложная. И неизвестно кому она нужна больше, людям или богам. – Господин Ахмед устроился поудобнее, изогнув парящий ковёр на манер дивана, взял кисть винограда и продолжил: – Люди всегда стремятся прижаться к кому-то более сильному, более мудрому. Допускаю, что всё это идёт ещё из детства, но я слабо разбираюсь в психической науке, оставляю это тем, кто более сведущ в вопросах человеческого поведения.

Вы будете смеяться, но даже таких скромных магов, как я и мой старый друг Бодес, в паре миров почитают богами. О чём мы естественно не просили. А уж глубокоуважаемая Алия, оказавшая мне великую честь своей дружбой, имеет преданных поклонников в каждом из миров, которые она посетила. Кто Спасительницей называет, кто Белой ведьмой. – Маг улыбнулся: – Перед этим, правда, многие пытались её на костре сжечь. Потом конечно поняли свою ошибку, извинились. Повезло, что она не злопамятная.

Женщина – маг? – Хрюн округлил глаза. – Но я читал, что женщинам...

Ахмед поднял ладонь и Хрюн затих.

– Два слова – две ошибки. Первая: – Алия не женщина. И не мужчина. В её туманном мире нет полов, там каждый способен создавать жизнь, не прибегая к помощи противоположного пола. Вид она может принимать любой, хотя и предпочитает женский. Так окружающие меньше ощущают угрозу. Женщина в любом мире воспринимается как защитница и созидательница, в противовес разрушителям – мужчинам. Вторая: – между ней и магами пропасть не меньшая, чем между магами и дождевыми червями. Она сама может создавать миры. И сеять жизнь на них.

Хрюн был потрясён услышанным. В отличие от Барбера и Бодеса, сохранявших полную невозмутимость. Видимо они ничего нового не узнали.

– Но ведь Вы тоже можете создавать жизнь. Ваш дом выглядит вполне живым! А уважаемый господин Бодес, – Хрюн неосознанно перешёл на язык хозяина: – даже может наделять разумом!

Улыбка старого мага заставила Хрюнвальда остановиться.

– Для того, чтобы создать птицу, мне необходимо перо. Алие не требуется ничего, кроме желания. Даже магического поля. Другой уровень взаимодействия. Однажды я посетил их мир, по её личному приглашению.

– Расскажите, дядя Ахмед! – Хрюн заёрзал на месте, как ребёнок в ожидании игрушки. Сам заметил это и постарался придать себе подобающий беседе вид. Ни от кого, естественно, его поведение не укрылось. Барбер хмыкнул, подавляя смешок, Бодес прикрыл улыбку рукой, а «гусиные лапки» господина Ахмеда приняли привычное положение.

– Нечего мне рассказывать. Это мир тумана. Солнце еле пробивается. Их мир стар, светило уже умирает. Серая пустыня, редкие красные растения. Трудно дышать. Около миллиона соплеменников Алие живут в созданных ими мирах, лишь изредка навещающая затухающий мир, чтобы почтить память предков.

– А почему им не создать себе новое Солнце? – это был голос Барбера.

Ахмед вздохнул: – При создании новой звезды все близлежащие миры будут уничтожены. Включая наш. Раса Алие не хочет сеять смерть для тех, чьё время ещё не пришло.

Вспомнилась мне притча, касающаяся как раз обоих вопросов, что голову твою занимают, мой мальчик. Если угодно.

– Конечно, дядя Ахмед.

Бодес еле заметно кивнул. Барбер сделал вид, что его это вовсе не касается и остался в той же позе.

«Однажды один молодой человек увидел, что в реке тонет собака. Оступилась на крутом берегу и свалилась в течение. Уже из сил выбилась, а к берегу ни на метр не смогла приблизиться. Скинул он с себя рубаху и нырнул в реку. Взял собаку подмышку, но и сам не может на берег выбраться. Подгрёб, на сколько сил оставалось, да и кинул собаку в сторону берега, а сам уж помирать собрался. Но шёл на его счастье берегом бог. Увидел такую самоотверженность и пожалел юношу.

Вытащил его и собаку из воды и спрашивает: – Ты действительно жизнь мог отдать за бездомную собаку?

– Да не думал я про жизнь, просто не мог по-другому поступить. – Отвечает юноша, зубами клацая.

Понравился такой его ответ богу.

– Я решил улучшить твою жизнь в награду за этот поступок и выполнить любую просьбу. Но знаю, что люди никогда сами не понимают, чего они хотят на самом деле. Я дам тебе право на три просьбы, чтобы ты точно получил то, в чём нуждаешься. Хочешь, я сделаю тебя королём, многодетным отцом или флотоводцем? Подумай.

Юноша подумал.

– Королём наверно хорошо. Я знаю, как сделать наше королевство богаче, а жителей счастливее.

– Да будет так. – Сказал бог и исчез.

Юноша, став королём, тут же отменил все налоги, они его всегда угнетали. Запретил страже задерживать жителей, ведь он помнил, как задерживали его. Первую неделю народ ликовал.

Потом стали кидаться камнями в стражников, вести себя заносчиво. Деньги в казне кончились, не на что стало чинить дороги, а преступность многократно возросла. Тогда юноша решил вернуть всё назад, но народ поднял бунт и разгромив королевский замок, потащил короля на виселицу.

И тогда молодой человек, с накинутой на шею петлёй, сказал: – Бог, вторая просьба!

Перед ним возник бог. – Неважные у тебя дела, король. Кем ты хочешь стать сейчас?

– Я понял в чём моя ошибка. Сделай меня снова королём. Я всё исправлю.

– Как пожелаешь. – И бог снова исчез.

И снова юноша проснулся королём. Но в этот раз он решил сделать всё наоборот. Счастливы жители будут только в богатом государстве. Первым указом он поднял налоги. Помня о неблагодарности жителей, он дал страже полномочия хватать каждого, кто не одобряет государственной политики. Решил железной рукой загнать человечество к счастью.

Государство богатело. Юноша починил все дороги, но народ ходил всё мрачнее. И то тут, то там стали появляться подпольные ячейки несогласных. Стража сбилась с ног, хватая то одного, то другого. И в один день в государстве вспыхнула революция. А юноша снова оказался на эшафоте.

– Бог, последняя просьба! – прохрипел он, верёвка уже затянулась.

– Ты же решил сделать всё иначе. И опять петля. – Возник перед ним бог. – Снова сделать тебя королём?

– Нет. Верни меня пожалуйста на берег, где мы с тобой встретились.

– Зачем?

– Там осталась бездомная собака. Я не могу сделать людей счастливыми, я это понял. Но я могу дать собаке дом. Пусть хоть она станет счастливой.

– Вот поэтому я и разрешил тебе три просьбы. Чтобы ты разобрался в себе.

Бог исчез, а по берегу бежали наперегонки юноша и его собака».

Уважаемый Ахмед отхлебнул чая. Его слушатели сидели задумчивые.

– Я давно живу на этом свете, и неплохо узнал людей, поэтому понимаю, что нельзя заставить человека выбрать путь, даже если знаешь, что на этом пути он будет счастлив. Если Вам, мой мальчик, милее тот мир, где умерли Ваши родители, а Вы были одиноки – возвращайтесь. Но Ваша родина – здесь. Здесь родилась Ваша мать, здесь родился Ваш отец. Ваши прадеды создавали Дастан по крупицам. Я не вправе решать за Вас, но могу дать хороший совет. И он Вам уже известен.

Глава 14 «Отъезд»

– Нет, вы как хотите, но я это не надену! – Хрюн бегал по комнате, размахивая коричневыми штанами. – Жёлтое спереди, коричневое сзади, это даже уже не смешно!

В дверях его комнаты стоял Клод Бодес, к ногам которого жались еноты, не любящие пропускать бесплатных зрелищ. В кресле, в углу комнаты, сидел Барбер. Он держался рукой за голову и улыбался.

Бодес тоже улыбнулся: – А какую цветовую гамму Вы предпочитаете в это время года?

Хрюн застонал: – Да хоть чёрное, хоть белое, но... – он стушевался: – Да неважно, их ведь уже не перекрасить.

– Почему нет? – с родительской интонацией ответил господин Бодес и наклонился к енотам: – Фрам, как считаешь, стоит перекрасить штаны Хрюнвальду?

Фрам обстоятельно кивнул.

Бодес прошёл в комнату и провёл рукой над штанами, брошенными на кровать. Штаны на глазах становились чёрными. – Так лучше?

Хрюнвальд как зачарованный смотрел на свои новые, иссиня-чёрные штаны.

– Спасибо. Я до сих пор не привык, что в моей жизни появилась магия.

– Не за что. Одевайтесь и жду вас обоих у себя в кабинете.

– Наряжайся, принцесса, и догоняй. – Барбер встал и вышел.

Через пять минут Хрюн в бледно-жёлтой рубашке, чёрной кожаной куртке и магически-чёрных штанах был в кабинете Всевидящего Бодеса. Барбер уже был тут.

– Итак, господа! – Начал волшебник: – Вы отправитесь в Дхар-Дастан, но возможно Хагена там уже нет. Придётся его нагонять. Я дам вам небольшую сумму на еду и накладные расходы. Двести крон думаю будет достаточно. По сотне на едока. Но в силу некоторых, хмм, обстоятельств Барбер не сможет сопровождать Вас, Хрюнвальд, в самом городе. Вам придётся действовать самому. Финансовый аспект, я полагаю, лучше доверить Барберу. – Бодес взял со стола мешочек и протянул рыжебородому: – Он даст Вам некую небольшую сумму, чтобы Вас не ограбили. Возьмите блокнот и карандаш. Записывайте, если услышите что-то незнакомое или непонятное. Ваш друг Вам потом объяснит, о чём шла речь.

Сегодня ночью я вынужден буду уехать по срочному делу, поэтому утром мы уже не увидимся.

Желаю удачи! А теперь ступайте отдыхать. Если что-то понадобится, обратитесь к Селесте или Фраму.

Маг поклонился и компаньоны поняли, что аудиенция окончена. Кивнув в ответ, они вышли.

И была ночь, наполненная для Хрюнвальда страхами и переживаниями, и было утро, наполненное суетой и сборами. И был день. Солнце уже припекало, хотя ещё не достигло полуденного апогея. Хрюн неуверенно шагал за Барбером, поминутно проверяя всё ли необходимое он взял.

Барбер заметил такое странное его поведение.

– Не звени нервами, Малой, мы ж не женить тебя ведём. Столицу свою посмотришь. Неплохой город, кстати. Никто тебя не обидит. Только за языком следи, когда будешь представляться. И страже на входе в город в глаза не смотри. Они наглых не любят. Как войдёшь, топай на центральную площадь, найдёшь там Хью Три Ноги, у него спросишь про Хагена. Хью всё знает, что в городе творится.

Хрюнвальд тут же записал имя в блокнот.

– Если за вечер не успеешь, заночуешь в городе, утром меня найдёшь, я на берегу буду. На тропинке, ведущей в порт.

Хрюн записал и это.

– Ещё деньги тебе нужны будут. – Барбер остановился и сунул руку в карман. – Вот тебе пять монет. Только не размахивай ими. Это недельная зарплата большинства горожан.

– А ты точно не можешь со мной пойти? – тихо спросил Хрюнвальд.

– Сам-то как думаешь?

– Ну да, прости. Тебя же Бальзамир ищет.

Когда показались городские ворота, Барбер ещё раз показал пальцем, где он будет находиться и пожелал удачи.

Перед воротами сидели несколько попрошаек. И когда Хрюн проходил мимо, кто-то схватил его за рукав. Хрюн опустил глаза. Чумазая девочка, лет шести, с грязным вязаным медвежонком подмышкой. Её платье было не стирано самое меньшее полгода. То ли матери было глубоко наплевать на ребёнка, то ли это был некий образ, для вызывания большей жалости. Разбираться Хрюн не хотел, но отцепляться девочка не собиралась. Хрюн порылся в кармане и выбрав одну монетку подал ей.

Когда он проходил в ворота, все стражники наблюдали за девочкой, к которой аттракцион неслыханной щедрости прохожего привлёк внимание остальных нищих. Едва Хрюнвальд миновал ворота, за ними началась драка.

Глава 15 «В которой Хрюн проникает в город, а город проникает в него»

Город Дхар-Дастан был очень древним. Об этом можно судить хотя бы по тому, что само название «Дхар-Дастан» с древнего, ныне мёртвого языка, переводится как «Сердце мира». Вряд ли древний народ стал бы называть на своём мёртвом языке город, который еще не построен.

Еще об этом косвенно можно судить по наличию в городе глиняной канализации, чертежи которой, если они и были, давным-давно потеряны. Можно было судить по стенам, которые обветшали задолго до рождения всех местных старожилов. По странной, полигональной кладке этих старых стен, кладке, повторить которую сегодня не возьмётся ни один каменщик. По величественным арочным кованым воротам королевского замка, рассчитанным вероятно на великанов. И установить их на место наверное смогли бы только великаны. Каждая петля этих ворот весила тонну. Это были Царь – Ворота. И каждый проходящий сквозь них вероятно чувствовал себя мышью, прошмыгнувшей в людской дом. Мышью, не имеющей права находиться здесь. Многие вещи во дворе королевского замка поражали ещё больше. Например огромный плоский камень, идеально круглый, и ограненный как мельничный жернов. Метров пятнадцати в диаметре, и метр высотой. Сейчас с него зачитывали королевские указы. Но первоначальное назначение этого камня назвать не мог никто. Может там парковались драконы, а может головы рубили кому ни попадя.

Или два хрустальных тавра, в три человеческих, или пять гномьих ростов, каждый. Стоявшие в нишах по обеим сторонам двери в замок. Ниши были окрашены в пурпурный цвет, и когда солнце освещало двор, от них исходило сияние и весь двор наполнялся цветными солнечными зайчиками.

Конечно город рос, как и положено всякой столице государства, но при копании любой ямы под будущий дом строители неизменно наткнулись на древний каменный фундамент. Поэтому для облегчения жизни и удешевления строительства жители стали сначала выкапывать фундаменты, а потом уже проектировать новый дом, исходя из размеров основания.

Город был стар, но уютен и заботлив к жителям.

Даже старейшие из ныне живущих волшебников никогда не видели этот город юным. Ни Хаген, разменявший девятуя сотню лет, ни Уважаемый Ахмед, который после празднования тысячелетнего юбилея, вовсе перестал считать, сказав, что второй раз такую попойку ему не пережить.

Возможно Бабура, учитель Уважаемого Ахмеда мог бы пролить свет на возраст города, но уже лет триста он гостей не принимает и сам никуда не выходит из своей башни. Потому что остолоп Фергюс, пытавшийся осчастливить мир, и погубивший значительную часть этого свежесчастливленного мира, тоже был его учеником. Но к его счастью, если можно так сказать о покойнике, он погиб при этом эксперименте. Иначе население Дхары просто порвало бы его на сувениры. Потом бы оживило и снова порвало. Однако вернёмся к Бабуре. Мало того, что своей выходкой Фергюс сорвал Бабуре важный эксперимент, так еще и просители со всего Дастана потом многие годы продыху магу не давали. «Исправь, дорогой Бабура, верни всё взад! Раз ты его научил, значит и обратно возвращаешь. Не можно, чтобы богатые стали бедными, а бедные – богатыми». Сотни раз пытался Бабура им объяснить про тонкие материи, что нельзя вылупившегося цыплёнка обратно в яйцо вернуть, а потом разлился и дверь захлопнул. Навсегда.

Но так или иначе, в людском восприятии Дхар-Дастан был всегда и всегда будет. Это привлекало в город много туристов. Туристы любят достопримечательности. Даже водосточ-

ная труба, если она старше прабабушки туриста будет достопримечательностью. А тут любой булыжник в мостовой видел прадедушек ваших прабабушек.

Но всё – таки главной достопримечательностью города для гостей несомненно была Центральная площадь.

С её полусотней магазинов, магазинчиков и лавочек, ограничивающих площадь по периметру, и тем спасавших остальной город от экспансии бойких торговцев на прилегающие улицы.

А главной достопримечательностью Центральной площади, да простят нас Королевский замок и бог шопинга, был Хью «Три Ноги». Хью был попрошайкой. Многие годы, с девяти утра до шести часов вечера, он сидел недалеко от входа в универсальный магазин «Маркс и Спренгельс», принадлежащий двум бородатым гномам- торговцам, в котором аж на трёх его этажах продавались доспехи и оружие от лучших мастеров, дамские платья и шляпки, ювелирные изделия, вино и шоколад. Как вы понимаете, ходили туда в основном парами, и пока дама мерила шляпки, её небедный кавалер изучал оружейные новинки. Зажиточный мужчина под ручку с сердобольной дамочкой, о чем ещё мечтать? Хью «Три Ноги» сидел в лучшем месте лучшей площади лучшего города. «Ухватил фортуна за задницу» – любил говаривать Хью.

Двадцать пять лет назад он договорился с юным, тогда ещё лейтенантом стражи Гримальди о сотрудничестве. И за небольшую прибавку к зарплате служакки, Хью получил спокойствие и защиту. А спустя пять лет, погиб король и новый регент королевства Невилл начал заменять нелояльных подчинённых своими людьми. Тогда Хью использовал все свои связи, а знал он в этом городе всех, и помог сохранить Гримальди место. Несмотря на то, что Хью преследовал этим свои меркантильные интересы, Гримальди был ему благодарен. Он больше не брал с попрошайки денег, и следил, чтобы спасителя никто не обижал. А когда выслужился до капитана, наказал рядовым стражникам оберегать покой Хью и не обирать заведения, речь о которых пойдёт ниже. Теперь стража не трогала Хью и не позволяла другим это делать. Зато других, менее удачливых попрошаек, гоняла.

Был у Хью талант, придумывать прозвища. Времени у него было вагон и маленькая тележка, наблюдательности тоже не занимать, поэтому выданные им кому-либо прозвища прилипали обычно намертво, не оторвать. Бывало, Хью даже совали деньги за то, чтобы он изменил прозвище на более благозвучное и приемлемое. Иногда Хью соглашался и брал деньги, иногда, если считал получившееся шедевром, отказывался.

Таким шедевром например были «Почти Неуловимый Карл» и его жена «Карлица». Карл был довольно тщедушным мужичком с вечно всклокоченной бородёнкой, работал поденщиком, и главной трудностью его жены было отловить благоверного, до того, как он спустит в питейных заведениях свой дневной заработок. За годы ухода от погони, Карл обзавёлся невероятным опытом в смене заведения за пять минут до того, как там появится его жена. Он менял тактику каждый день, поэтому Карлице нечасто удавалось отловить мужа в очередном кабаке. Но если уж удавалось..... Карлица, которую на самом деле звали Жанной, хотя её давно так никто не звал, была женщиной крупной, ростом с гвардейца, и весом далеко за сотню. Одной только грудью она могла, резко повернувшись, сбить с ног крепкого мужчину. Чему есть немало свидетелей.

Или, например, жизнерадостный горбун Мирон, по прозвищу СплюНаБоку, на которого в данную минуту сыпался с крыши голубиный помёт, отскребаемый уже известным нам Карлом за десять золотых в час.

Но давайте вернёмся к попрошайке Хью.

В деньгах «Три Ноги» давно уже не нуждался. Семьи, которую надлежит кормить, у него не было. Носить дорогую одежду попрошайке попросту глупо. Поэтому несколько лет назад

Хью выкупил таверну «Охрипший Петух» у вдовы бывшего хозяина, а спустя еще пару лет гостиницу «Унылый путник» и таверну «Кабанчик и перина». «Петух» был местом недорогим, больше подходящим для моряков, с тюфяками из овечьей шерсти, а «Кабанчик» ориентировался на более обеспеченных гостей. Там даже были белые простыни и настоящие перины. «Унылый путник» предоставлял номера любой степени комфорта.

Все три заведения находились здесь же, на центральной площади. Сам Хью жил на первом этаже «Кабанчика», переделав подсобное помещение под свои нужды. Лестниц Хью не любил. О своих приобретениях Хью молчал, благоразумно полагая, что эта информация повредит его основному бизнесу. Никто не будет подавать богатому попрошайке. А Хью всегда мог подсказать путешественнику где именно тот может остановиться на ночлег и перекусить. И проследить, кто входит, и в каком состоянии выходит из его заведений. Хью «Три Ноги» всегда держал руку на пульсе города.

Поэтому он моментально присовал молодого человека, который сразу выдал в себе простофилю, впервые увидевшего площадь. Простофилю задирает голову, рассматривая крыши и балконы, яркие вывески и серые скульптуры в нишах зданий. Хью по привычке начал подбирать пареньку кличку, но почему-то в голову ничего не шло. У молодого человека не было каких либо физических недостатков, за которые можно было бы зацепиться. Ни в одежде, ни в выражении лица не было той изюминки, которая является внутренней сутью человека. Род занятий паренька тоже оставался загадкой. Спина прямая, но армейской выправкой и не пахнет. Походка лёгкая, но уверенная. Глаза умные, цепкие, аристократические, а лицо простодушное.

«Кто ж ты, парень?» – подумал Хью: – «Не вояка, не крестьянин, не моряк, не торгош. Этих всегда видно. Похож на благородного, но всех местных титулованных, да и половину неместных я знаю».

Молодой человек уже о чем-то разговаривал с продавцом сосисок. Сосисочник указал ему пальцем на Хью. День становился интересным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.